

Конкурс фантастики
«КВАЗАР»

ИЗБРАННЫЕ

Хоррор

лучшие рассказы конкурса
«Жуть»

Конкурс Квazar

Коллектив авторов
Избранные. Хоррор

«Издательские решения»

Коллектив авторов

Избранные. Хоррор / Коллектив авторов — «Издательские решения», — (Конкурс Квазар)

ISBN 978-5-44-838727-2

Состав сборников «Избранные» определяется тайным голосованием среди участников открытых конкурсов фантастики, проводимых на площадке «Квазар». Каждый выпуск в серии формируется по итогам одного из таких тематических конкурсов, здесь вы найдёте рассказы, написанные как молодыми, так и опытными авторами, и признанные большинством читателей наиболее примечательными среди прочих. Книги серии характерны и наполнены увлекательными историями, способными как следует разнообразить ваш литературный досуг.

ISBN 978-5-44-838727-2

© Коллектив авторов
© Издательские решения

Содержание

Магия хоррора	7
Мышка	8
Миша просыпается	20
Квартиранты	27
Гибельные вещи	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Избранные Хоррор

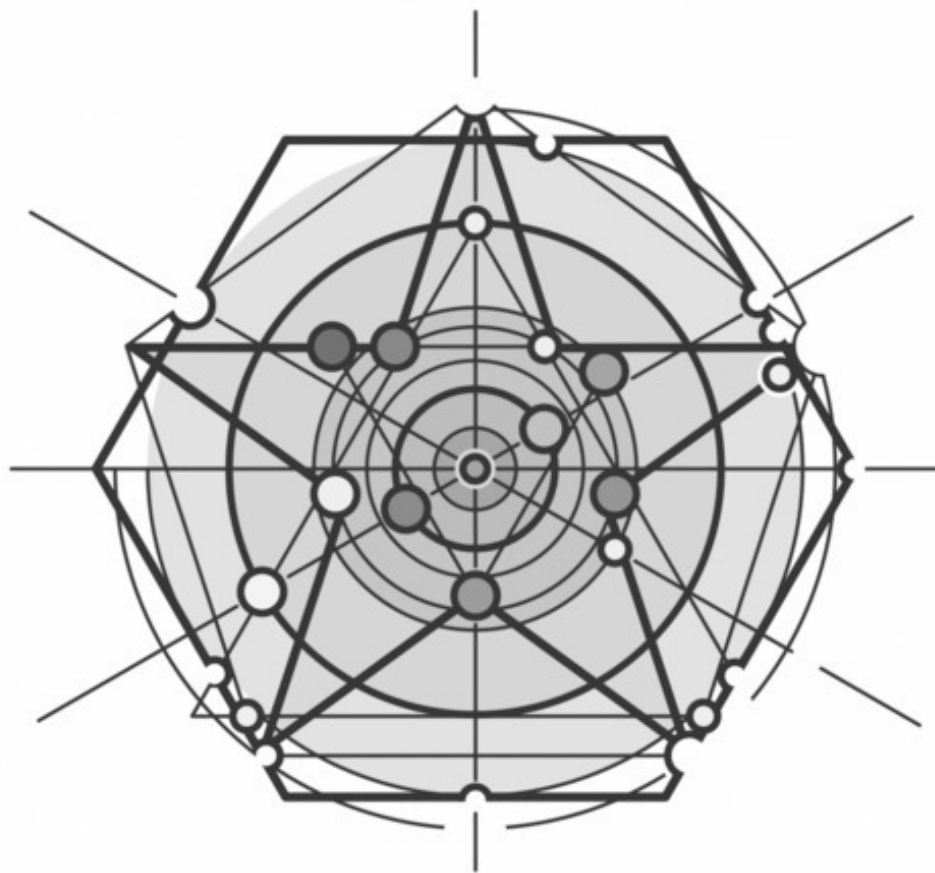
Составитель Алексей Жарков

Дизайнер обложки Алексей Жарков

© Алексей Жарков, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4483-8727-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КВАЗАР

конкурс фантастики

Магия хоррора

Вступительное слово Михаила Парфёнова.

Жанр хоррор напоминает мне легендарные гигантские катушки Тесла. В том смысле, что все об этом слышали, всем это интересно, но мало кто имеет представление, как эти странные штуки работают, и откуда, черт побери, в них берется энергия.

Я с творениями Теслы знаком не больше вашего. Но в хорроре – видимо, считаю себя специалистом. Пару месяцев назад мне предложили выступить с лекцией об этом жанре в Краснодаре. В общем-то, не бесплатно: по крайней мере, обещали оплатить проезд и проживание (вот она – слава, хе-хе). Я, правда, попросил повременить, пока не выйдет моя книга «Зона ужаса», так как был по уши погружен в редактуру, да и других дел хватало.

Русский хоррор – явление молодое, но развивается бешеными темпами, так что здесь всегда есть чем заняться, а изыскать свободное время бывает проблематично. Но я никогда не отказываюсь, если меня зовут в жюри какого-либо конкурса страшных рассказов. Такое случается раза три-четыре за год: я отрываюсь от текучки и, самодовольно растекшись телесами перед монитором, комментирую прочитанное и рассуждаю на любимую тему. Я бы, конечно, изрядно польстил себе, если б заявил, что занимаюсь просветительством. Но мне действительно кажется, что, общаясь с авторами и читателями хоррора, я занят чем-то полезным и важным.

Два года тому назад коллега Алексей Жарков (вы, возможно, читали его рассказ «Мать нефть» в антологии «13 ведьм» или другие истории в других книгах – если нет, то рекомендую) пригласил меня стать одним из судей конкурса «Квазар». Прекрасно помню, что это мероприятие удивило высоким литературным уровнем, какой редко встретишь. Сейчас, видя состав сборника «Избранные», я понимаю, что из его авторов, участников того самого конкурса, знаю только двоих (отдельный привет им, Дмитрию Лазареву и Марии Шурыгиной). И это круто! Значит, жанр не стоит на месте, не закукливается в себе. Здесь, с одной стороны, появляются новые имена (на самом деле та же Шурыгина – тоже новичок, на ее счету пока лишь пара хоррор-рассказов, так что все еще впереди). С другой стороны – хоррор постигают новички, прежде не пробовавшие силы на этом поприще.

Русский хоррор, повторюсь, еще очень молод. Критиками и литературоведами в должной мере не освоен. Как механизмы Тесла, этот жанр – громаден, знаменит, загадочен. В нем до сих пор кроется какая-то тайна. Свидетельством чему – «Избранные». С выходом этого сборника я всех причастных – составителя, авторов, читателей – и поздравляю.

Магниты работают на полную мощность, в разреженном воздухе мелькают молнии, волосы встают дыбом – осознаете вы или нет, но где-то здесь наука соприкасается с магией.

И вы все к этому волшебству – чудесам русского хоррора – теперь причастны.

Парфёнов М. С.

Мышка

Мария Шурьгина

Деревушка сверху маленькая, среди снега будто и незаметная вовсе. Огоньки да дымки над крышами – вот и все приметы. Но так ей уютно в тех снегах, словно держит её кто в широких сильных ладонях, баюкает бережно. И плывёт она со своими дымками и окошками мимо снежно-тюлевой завеси, и смотрит странные сны о маячащем впереди лете. И будто нет в мире ни смерти, ни рождения, а только жизнь – бесконечная, как нетронутая простыня спящего поля.

– Ну, и всё тогда. И живите, – Геннадий свернул договор, суетливо запихивая его в папку. Лист сопротивлялся – ручищи под топор заточены, не под бумажки. И сам бывший домовладелец был какой-то неловкий, будто неуместный в маленьких сенцах. И виноватый. Саню ещё в агентстве смутила эта виноватость, будто Гена продавал не собственный дом – отчее гнездо, а пытался повернуть какую-то махинацию. Но махинатор из него был никакой, да и риэлторы подтвердили: всё чисто, покупай, Александра Сергеевна, владей безраздельно.

– Спасибо, Геннадий. Соскучитесь – заезжайте.

Он застенчиво улыбнулся, кивнул и вышел на крыльцо. Саню кольнула жалость: взрослый, а так по-детски к дому привязан. Не хотел ведь продавать после смерти родителей, из города наведывался. Но говорят, нежилые здания быстро выморачиваются, умирают изнутри. Так и вышло. Геннадий обмолвился, что каждая поездка тоску нагоняет, словно любимые эти стены с укором смотрят: «Бросил, оставил!» Не просто ему сейчас уезжать.

Медленно, будто запоминая впрок, Гена прошёл до ворот, за оградой постоял возле своей «Камрюхи», прощальным взглядом окинув окна. «Ещё заплачет», – с опаской подумала Саша.

– Ну, и всё тогда, – повторил бывший владелец и опять замер. Словно не пускало его что. – Тут неподалеку дед Гудед живет. Вы, если что, к нему...

– Если что? С дровами я в сельсовете решу, по воде тоже – вы же мне всё рассказали.

– Да нет... он по другим делам, – Геннадий, видимо, оставил попытки облечь слабо брезжащую мысль в слова, вздохнул напоследок, и уехал.

Саня ещё постояла у ворот, борясь с нахлынувшим чувством одиночества и даже паники. Хотелось бросить всё это новое хозяйство и вернуться в город с нескладёхой-водителем. Зима лежала длинным пробелом между тем, что было и что будет, а Саша торчала посередине белого листа снега сомнительной запятой – убрать? оставить? Упрямо дёрнула подбородком и пошла в дом. Впереди ждала первая ночь в новом жилище.

«На новом месте приснись жених невесте». Димка, гад, не приснился, окончательно вычеркнувшись из женихов. Зато снилась деревушка Балай с высоты птичьего полета: домишки и лес на многие километры вокруг. Впрочем, километры эти во сне только угадывались: птичье зрение оказалось со странностями, периферия будто отсутствовала, и картинку Саня видела, как в выпуклой линзе. Вот её домик, печным дымом над крышей нарисовалось кудреватое «Саня». «Мило зачекинилась», – подумала Саша-птица. На дальнем краю в изморозь выдохнулась дымным облачком какая-то «Шумера» или «Шушера» – не разберёшь; откуда-то вне посёлка возникло бледно-сизое «Аделаида». В стылом воздухе захрустела то ли сумбурная считалка, то ли детская песенка:

*вспугнутым шорохом, шёлковым ворохом
шорохом-морохом, морохом-шорохом, фухх...*

*тесно приблизится, тащится-близится,
к пеплу прильнёт, тело возьмёт.
красное – белым, белое – красным
фухх... прорастет.*

Тонкий голосок скрежетал, словно царапая блёклое небо. Стало холодно, неудобно, Саня начала падать и проснулась.

Открыла глаза – чужой, давно небелёный потолок, стены со старыми, советских времён, обоями. Просыпаться одной в неосвоенном доме... паршиво. Вот бы проснуться так, чтобы ещё глаз не открывая, почувствовать тёплый упругий бок рядом, вдохнуть знакомый мужской запах, уткнуться... Вот тогда с лёгким сердцем можно улыбаться серому потолку, вставать и осваивать новые владения. А с таким настроением, как сегодня, лучше вообще не вылезать из кровати. Но надо.

Саня, ёжась, сразу побежала к печке: домик за ночь выстыл, было прохладно. Неумело затопила, успев нацеплять заноз. Но вид живого огня неожиданно сообщил её унылому утру странное умиротворение, словно шепнув: «Привыкай».

И Саня начала привыкать: мыть, чистить, выбрасывать. А что делать, раз решила кардинально поменять свою жизнь?

Решение это нарывом зрело-зрело пару последних лет, и наконец лопнуло бурной ссорой с Димом, её шумной истерикой. К личным неурядицам добавился клубок рабочих проблем, и вообще, мир перестал соответствовать её ожиданиям буквально по всем пунктам. Димка хлопнул дверью, на работе она написала «по собственному». Всё это произошло в один день, и только вечером, шагнув в тёмный коридор своей квартирки, она вдруг осознала одиночество, ненужность, безысходность, тоску... да много чего ещё осознала в один этот тёмный момент. «Обрыдло», – странное слово всплыло откуда-то из закровов памяти. Поревела, а утром отправилась к риэлторам – менять постылость привычных координат.

Так и появились в её жизни домик в деревне Балай и новая работа – учитель начальных классов. Деревушку выбрала почти наугад, по музыкальной балалайности звучания да относительной близости к городу. А то, что гибнущая без кадров школа приняла её с радостью, и вовсе показалось добрым знаком

За пару дней домишко приобрёл обжитой вид и немного прогрелся. Саня топила узкую печку-колонну, обогревающую зал и спальню. Но к большой, на полкухни, печи она подступить боялась. Огромный чёрный зев, как в сказке про бабу-Ягу, внушал ей какой-то детский, невесть откуда взявшийся страх. Саша прибралась в кухне на скорую руку, но с наступлением вечера старалась туда не заходить. Сидя в зале, она чутко прислушивалась: казалось, в кухне что-то поскрипывало, шуршало, ворочалось. Замирало, притаившись, а потом продолжало свою неведомую жизнь. Освещённая комната была отделена от плотной кухонной темноты шторками, они слабо шевелились, словно кто-то дышал там, за трепетом ткани. «Нервишки... – подумала Саня. – Лечиться надо».

* * *

Утро началось с гудков машины за окном – приехала Натка с дочкой Ладой. Сестра охала, ахала и ругалась, ведь надо такое учудить – податься в глушь, в тьмутаракань какую-то! Пошумев, Ната бросила затею переубедить упёртую сестрицу и ушла в сельпо за продуктами.

– Саня, а давай снежный дом стлоить! – племяшка столько снега за свою четырёхлетнюю жизнь и не видела никогда.

– А давай! – встрепенулась Саша, – только дом мы не осилим. Может, снеговика?

Дело спорилось, и скоро у крыльца выросла симпатичная снежная баба. Ладка пыхла рядом, пытаясь слепить бабе внучку, но вдруг поскользнулась, ойкнула, и тут же заревела.

– Чего, чего ты? – всполошилась Саня.

– Зууб выпал! – проняла Лада и протянула тётке ладошку. И правда, зуб – молочный, чуть прозрачный, словно из тонкого фарфора.

– Так это тот, что шатался! Ну, красавица, не плачь! Молочный выпал, настоящий, взрослый вырастет! – успокаивала Саша племянницу, но та продолжала реветь. – А давай, мы его мышке кинем?

Ладка удивлённо округлила глаза, и рёв пошёл на убыль.

Вернулись в дом, наспех скинули шубки-шапки, подошли к печке. Саня, как могла, придавила страх – чего не сделаешь, когда ребёнок плачет.

– А она вдлуг укусит? – Лада боязливо поёжилась.

– Ну, что ты! Мышка пугливая, ты её и не увидишь. Бросим, слова волшебные скажем – и всё! Не бойся, все дети так делают!

– И ты делала? – Лада с недоверием посмотрела на Саню, солидную тётю двадцати семи лет.

– И я, и мама твоя, и бабушки с дедушками – все. Ну, давай, иди сюда!

Лада вздохнула и привычно подняла ручонки вверх: «На меня!» Саня легко подхватила племянку и поднесла к печке, свободной рукой отдернув занавеску. Два голоса вышептали в тёплый надпечный сумрак вечную «обменную» приговорку: «Мышка, мышка, на тебе зуб репяной, дай мне костяной!» Мокрый, ещё в кровинках зубик упал и сразу затерялся в куче хозяйственного хлама.

Лада, довольная, рассказала вернувшейся матери про мышку и похвасталась дыркой в десне. «Вот, оставляй вас одних!» – проворчала Ната. За ужином сёстры вспоминали, как маленькими гостили у деревенской бабушки, своё «молочное» детство. Расстались уже без упреков. Саня махала рукой отъезжающей машине, пока в заднем окне маячило белым пятном улыбающееся Ладушкино лицо.

Ранние сумерки плотно облепили всё кругом, голубые тени ограды расчертили сугробы хаотичной клеткой. Внезапно дом показался ей громадным запертым животным: хребет матицы, рёбра стропил, потемневшая плоть брёвен. Внутри зверя горел свет, прорываясь сквозь щели закрытых век-штор. Дом дышал ей в спину, и большое его сердце – печь среди кухни – было холодно.

Ночь прошла беспокойно. Кухонная печь заполнила всё пространство Саниного сна – мир словно втягивался в чёрное нутро, как в воронку. Устье печи, сбросив заслонку, пугало своей глубиной, свистело сквозняком, настораживало шёпотом, шебуршанием, шорохом-морохом, фухх...

Маленькие ручки в седых ворсинках прижали сладко пахнувший Ладкин зуб к лысоватой груди. В глубине нежно-розовой детской дёснышки тукнуло, ожило и пошло в рост.

Утро выдалось седым, туманным. Ослабленное затяжной зимой солнце неверной рукой водило в тумане, пытаясь нащупать окна, но попадало в «молоко». В доме было сумрачно, за окном – серым-серо, и едва намечены силуэты близких деревьев. Снег валил всю ночь, и Саня, вздохнув, взялась за лопату – а то, глядишь, так скоро и из дома не выберешься.

Она чистила дорожку у ворот и вспоминала тревожный сон. Почему её так пугает эта печь? Ответ не приходил.

Саня вдруг вздрогнула и подняла голову. С другой стороны улицы на неё пристально смотрел незнакомец – маленький какой-то дедок. Заметив, что его обнаружили, он неуклюже, по-птичьи подпрыгивая, захромал в её сторону. Подошёл, потрянул седыми космами, глянул рыжим разбойничьим глазом.

– Здравствуйте... – растерянно поздоровалась Саша.

Дед не ответил на приветствие, продолжая изучать девушку.

– Я Гудада, – вымолвил вдруг. Голос негромкий и будто надломленный в сильной ноте – хрипит, сипит. – Гляжу, новый человек.

– Гудада... Гудед?

– Дед Гудед – так местные зовут. Цыганское имя, цыганский дед.

– Мне о вас Геннадий говорил... что за советом к вам можно...

– И что? Не нужен ещё мой совет? – Гудада прищурился.

– Да нет, вроде, – неуверенно ответила Саша. Не станешь же первому встречному рассказывать... Да и о чем? О том, что она печки боится? Курам на смех.

– До свидания тогда, – со значением сказал дед. Взгляд его вдруг стал сочувствующим:

– Лучше уезжай, девка. Ждали тебя.

И развернулся, и зашагал в туманную морозь.

Как это понимать? Уезжай, но тебя ждали? Кто? Директор школы, конечно, ждал – малыши без пригляда были. Но зачем уезжать? Странный какой дед... Да ещё и на «ты» сразу.

Неприятная встреча настроения не добавила. Саня разозлилась на себя: поддалась беспочвенному страху, тут ещё дед этот нагнал туману. С пугливостью надо кончать – всё равно в морозы печь придётся топить, пора привыкать. Дом уже сияет чистотой, а в кухне едва прибрано. Решено, страх долой, нужно обживать и эту «терра инкогнита».

Саня прибавила громкость старого радиоприёмника. Пугающую тишину кухни перекрыло что-то симфоническое. Вооружилась ведром для мусора, влезла на табурет у печки, отёрнула занавески и опасно стала сгребать накопившийся мусор. Сгоревшие спички, гусиные крылышки, перепачканные маслом – пироги смазывали, ветошь какая-то... За монотонностью занятия страх чуть притупился. Среди хлама Саня заметила какие-то мелкие желтовато-серые камешки. Присмотрелась, и её передёрнуло от внезапного узнавания – зубы! Потемневшие от времени, маленькие, такие же, как они бросили на печку накануне с Ладой. Сколько же их... У Геннадия, бывшего владельца дома, видимо, было много сестёр и братьев. «Кто зубы – на полку, а кто и на печку», – усмехнулась Саша. Надо же, целая история отдельной семьи...

Ссыпав находку в ведро, она продолжила уборку. Завалы постепенно уменьшались, как вдруг Санина рука в ворохе тряпок наткнулась на что-то мягкое, теплое. Живое. Саня, вскрикнув, чуть не слетела с табурета. Боязливо отодвинула ветошь – блёкло-серый комок шерсти, хвостик... Облегчённо выдохнула: мышей она никогда не боялась, а полудохлых тем более. Мышь, похоже, и правда доживала последние минуты: лежала, тяжело дыша, не пытаясь бежать. «Сколько ж тебе лет?» – внезапно посочувствовав чужой немощи, удивилась Саша. Мышь казалась дряхлой: хвост в каких-то коростах, сквозь редкую тусклую шерсть просвечивала бледная шкура. Только глаза ещё были живы. Старуха, не отрываясь, смотрела на человека. Саня удивилась: разве бывают у грызунов такие глаза? У них всегда чёрные блестящие бусины, а тут – медово-карий взгляд... какой-то очень осмысленный.

Вдруг мышка дёрнулась и подалась вперёд. Движимая неясным порывом, Саня протянула руку, даже не подумав, укусит ли. Последним усилием мышьяная бабушка вложила голову в протянутую ладонь, вжалась в человеческое тепло, судорога пробила мохнатое тельце. Почудилось, что тяжёлый вдох пролетел над печью, коснулся Санино лица. Медовые глаза помертвели, взгляд остановился.

Выбросить на помойку странную мышь, в последнюю минуту искавшую её участия, Саня не смогла – не по-человечески как-то. Выдолбила в промёрзлой земле небольшую ямку, трупик сунула в коробку из-под чая, и мышка легла под снег. «Все в землю уйдём, – подумала Саша. – Разница лишь в упаковке».

Вернувшись с «похорон», девушка вдруг поняла, что страх перед печкой исчез. «Клининг-терапия», – усмехнулась она про себя, уборка всегда действовала на неё успокаивающе. К вечеру она осмелилась даже слегка протопить печь. Сердце дома ожило, и Саня долго в темноте следила через щели дверцы за огненным биением.

Быт был налажен окончательно, и Саня – нет, в этот раз Александра Сергеевна – вышла на новую работу. Директор школы, Павел Игнатьевич, буйной бородой напоминавший одновременно Карла Маркса и дядюшку Ау, провёл её по небольшому одноэтажному зданию, рассказывая по ходу, что и где: столовая, спортзал, три класса и «малышовая». Садика в посёлке не было, вот сельсовет и открыл группу для дошкольников. Из-за двери «детсада» слышались неясный шум, беготня и чей-то тихий рёв.

– У нас воспитательница приболела, сейчас учителя дежурят поочередно, – сказал Павел Игнатьевич. – Вы, как уроки отведёте, загляните, с группой познакомитесь.

Саня была совсем не против, малышей она любила. Тихие игры с племяшкой Ладой всегда казались чем-то вроде медитации, погружали в уют. Директор провёл новую учительницу в класс и представил второму «А». «Тоже совсем малышки», – тепло подумала Саша. Прежняя их наставница-пенсионерка вынуждена была проститься с любимыми подопечными – годы брали своё. Молодую симпатичную учительницу второклашки встретили с восхищением: из города, модная, как с картинки, глаза смешливые! Занятия прошли отлично: ребята очень старались, так им хотелось получить одобрение «новенькой» Александры Сергеевны. Попрощавшись наконец с нежелающими расходиться по домам школьниками, Саня в прекрасном настроении отправилась в «детсад».

Она открыла дверь в «малышовую», но тут же резко отшатнулась, чуть не задохнувшись. Запах. Непередаваемая смесь ароматов молока, манной каши, влажных подушек, детского мыла, горшков из умывальни – словом, детство, воплощённое в запахах, чуть не сшибло её с ног. Ошалев от этого неожиданного впечатления, Саня едва кивнула нянечке и с трудом сдержалась, чтобы не закрыть нос рукой.

– Проходите, Александра Сергеевна, ребятки вас уже заждались, – сказала няня Лида улыбочиво. Семь пар глаз уставились на Саню.

Волосы спутанным мхом, чумазные лица, хитрые глазёнки, алые пятна ртов, чей-то узкий язычок, вылизывающий блюдце с джемом – шёл полдник... Словно мелкая, лесная нечисть... Голова закружилась, противно ослабели ноги.

– Дети, это ваша новая воспитательница, её зовут Александра Сергеевна. Повторите, кто запомнил, как зовут воспитательницу? – обратилась няня к малышам. Ребята нестройно повторили, с любопытством глядя на застывшую в дверях учительницу.

Там – трепет вен на худой шейке. Тут – пот в ключичной ямке. Сонные ещё: неприкрыто-белеющие тела, на щеках следы от подушек. Перемазанные рты, коросты, горошины зелёнки, засохшие пятна на нагрудниках. Детали эти вдруг закружили Саню, она едва сдержала рвотный позыв. Привычный и любимый запах детской, малыши – откуда эта тошнота?

Ребятишки повскакали с мест. Она с ужасом поняла, что сейчас кто-нибудь из них приблизится, коснётся тёплыми влажными пальцами. Нет, только не это! Озноб колко прошёл по позвоночнику. Запах детства вдруг показался сладковатым, гнилостным. Детки словно из земли вышли, из почвы проросли, тонкие пальцы тянулись в её сторону, как бледные корни кладбищенских растений. Мягкие маленькие тела... В приступе паники, чувствуя, что желудок мучительно сжался в спазме, Саня едва нашла силы извиниться и поспешно вышла.

Отговорившись аллергией на «что-то детское» и неловко простившись с директором, Саня, чуть живая, выскочила на школьное крыльцо – на белый свет, в белый снег. Слабость в теле, неверный шаг. До дома недалёко, но как бы не осесть в сугроб – ноги не несут. Она

решила доехать на автобусе и побрела на остановку. Перед глазами плыло, мир сливался в сплошное белое.

Влезла в автобус, стараясь не встречаться ни с кем взглядом. Отгородившись, отпрянув, обморочно облокотилась о стекло. Рядом вдруг плюхнулась бабуля – лягушачий рот, лягушья бородавка. На мгновение привиделся длинный липкий язык – сляпал муху, втянулся – довольно улыбнулась по-бабы-жабы, буркнула животом, довольно закатила белки глаз. Саню передёрнуло.

Откуда вся эта призрачная гадость в её голове? С ума она сходит? Плотно прильнула лбом к замороженному окну. Холод ласково оттолкнул безумие. Отложил. Но ведь наступит...

Дверь автобуса отворилась, она стала выходить и чуть не влетела обратно. Вместо зимней свежести с улицы дохнуло смрадно, аж слёзы навернулись. От остановки до дома несколько метров. Но что это за метры... Пенсионерская улица, молодых, да и просто среднего возраста здесь нет. Слишком много умирания, тления. Старики брели на остановку, а показалось – к ней, на неё. Саня в ужасе зажмурилась, будто слышала: старики шуршат опадающими кожаными покровами, дышат умирающими клетками, смеются ввалившимися беззубыми ртами – да, в своей безобразии они смеют смеяться! Шамкают, спешат – они так спешат... Задевают плечом, шипят вслед, перечёркивают её следы скорым концом, распадом.

Глухота, снегота, скрип-скрип, тела двигаются, лица сосредоточены, как у слепых. Взгляды в одну точку, губы в задумчивости жуют самое себя. Движения неверные, словно они ищут в своей слепоте что-то, пытаясь нюхом, слухом определить местоположение в пространстве. Приближаются...

Ей показалось вдруг, что ее молодость и красота сдаются, сморщиваются, пергаментируются, уходят в ничто. Как она dospешила, додышала, дошаркала до дома, потом и вспомнить не смогла.

Скинув шубу, Саня упала лицом в подушку. Ужас липкий – не сбросишь, не убежишь. Подобный страх она ощущала недавно у печки, но слабее, гораздо слабее. Сейчас старые и малые стояли перед глазами, заслоняя собою свет, цепко всматриваясь в неё. Взгляды их, как присоски на стекле – не отлепить. Тогда, на пороге «малышовой», а потом на своей улице девушка словно заглянула в разверстую могилу: мокрая земля ползёт по краям, пахнет свежей смертью, только что случившейся бедой. И сама Смерть словно сидела за маленькими столиками рядом с детьми, спотыкалась по сугробам под руку со стариками.

Пережитый ужас понемногу тонул в пухлоте подушки. Саня пыталась объяснить происходящее рациональными причинами. «Психоз какой-то... Обострённое восприятие на почве стресса», – привычка к разумным объяснениям деловито обрубала бредовые рассуждения. Но поверить в это не получалось.

Вдруг Саша отчетливо вспомнила, что её «заморозило» там, на пороге «детсада» и на улице. Одинаковость. Малые и старые тогда показались Сане безликими, точнее, словно с двух шаблонов намалёванными: детскому и стариковскому. Дети – синеватые тени под глазами, рты, раскрытые в любопытстве, ещё недавно сосавшие материнскую грудь, а теперь – с едва намеченными росинками молочных зубов. Дедушки и бабушки – лица в морщинах, тёмные провалы вялых ртов без блеска эмали...

Саша передёрнулась от яркого образа. И как завтра идти на работу? Как выходить на стариковскую улицу? Мир вдруг сжался до тесной коморки, Саня почувствовала себя запертой, замурованной. Одна мысль о том, что заново придётся пережить этот кошмар, вгоняла в дрожь.

«Дед Гудед... к нему, если что», – так Геннадий говорил. Может, это и есть «если что»? Чертовщина ведь какая-то, и дед... с чертовщинкой (вспомнились рыжие лихие-разбойничьи глаза). Но что ему сказать? «Здрате, я детей и стариков боюсь?» Так ведь и Гудада старик! Замкнутый круг какой-то...

Мерила комнату бесконечными шагами. Бралась за дела – бросала, мысли разбегались. Почему так нерешительно уезжал Гена? Зачем зашёл дед Гудед – словно проверял? Может, знают что, но молчат?

Не в силах больше маяться в одиночку со своими мыслями, Саня оделась, опасливо выглянула за ворота. Никого, вечерние сумерки разогнали сельчан по домам. Торопливо она побежала узкой, протоптанной меж сугробов тропкой, молясь только об одном – никого не встретить.

Запахавшись, добралась до дома Гудеда, заколотилась в дверь. Казалось, догоняют, в спину смотрят. Кто? Саня не задумывалась, страшно было задумываться, и вообще – страшно. Дверь распахнулась широко и сразу, словно ведром выплеснули в сумрак тёплый жёлтый свет. На пороге стоял цыганский дед. Саня замерла, приглядываясь к нему, прислушиваясь к себе. Нет, обычный человек, никакого ужаса она не почувствовала. Тихо вымолвила: «Гудада... совет нужен», – и шагнула в сени.

Дед, ни о чем не спрашивая, принялся раскладывать по скатерти потёртые карты.

– Разве мужчины-цыгане гадают? – удивилась Саня.

– Цыгане и на одном месте не живут. Но я бракованный, мне можно, – усмехнулся дед. – Как нога отказала, так с женой и осели в Балае. Ну, рассказывай!

И Саня рассказала всё-всё: как печки боялась, про сны, про Ладин зубик, про сегодняшние кошмары. Стало легче, словно разбавила тревогу чужим участием. Гудада слушал и всё больше хмурился, руки застыли, перестали тасовать ветхие картонки. Жёстко отложил карты в сторону, припечатал ладонью, будто боясь, что те тараканьём расползутся по столешнице. «Выгонит?» – подумала Саня, и тут же навернулись слёзы. Куда же она тогда?

– Вы мне погадаете? – спросила робко, пряча глаза, смаргивая.

– Нечего тут гадать, – дед глядел как сквозь неё, весь где-то далеко, глубоко. – И так понятно. Ох, девка... Жена моя тебе бы лучше объяснила, да нет её уже.

– Вы вдовец?

Дед неопределённо помотал головой и продолжил:

– Что помню с её слов, расскажу. В беде ты – меж двух могил попала.

– Между... каких? – едва выдохнула Саня.

– Дети да старики. Малышня – они недавно из небытья, а старики – скоро в него. И те, и другие у границы со смертью ходят. А ты меж них, с тех пор, как в этот дом переехала. Говорил я Генке, не продавай, не ты в нём хозяин!

– А кто? В регпалате документы проверяли, всё нормально было.

– Да не в документах дело, – отмахнулся Гудада. – Про семью Геннадия разные слухи ходили. Прабабка да бабка, говорят, с чертями водились. Генка-то простоват, ничего не перенял, да и не по мужскому уму ведовство. А там, где долгое время ведунили, обычным людям-то не вмоготу, вот он и сбежал в город. Тебе, получается, kota в мешке продал. А дом-то ждёт, ему живой человек надобен. От этого твоя морока. Да племянница твоя еще зуб отдала, а зуб – с кровью. Дом проснулся, чует, тянет. Тебя чует, да и ей не поздоровится.

– Что ж теперь, бросить всё?

– Погоди, жена говорила, есть средство – обряд удержания. Только зря ты те зубы детские, что на печке нашла, выбросила. В них сила рода была. Без них тебя удержать трудно, а надо. А то... как жена моя, сгинешь, – опять припомнил дед супругу.

– От чего удержать-то? От могилы, что ли? – Саня представила себя стоящей меж двух ям. Вот поскользнулась на мокрой глине, сейчас съедет в одну из них.

– Если б от могилы... Дом, где много поколений свои зубы мышке отдавали, непростым местом становится. А уж сами мыши... Жена перед тем, как... – дед тяжело сглотнул часть фразы, – говорила, мол, «все мы в Божьей горсти, да в мышьих лапах». Ребёнок молочный зуб

мышке отдаст, та ему коренной в рост пустит. Так и поставит на смертный путь, человека-то – зуб корнем привяжет дитя к жизни. А старики, как зубы растеряли, так опять на краю могилы и очутились, сидят – ноги свесили. Так уж устроено: человек за жизнь зубами держится.

– Погодите... Значит, тошно мне от стариков и малышни, потому что я теперь вижу, что они рядом с могилой ходят? Так, что ли?

– Так и есть. Тебя же от второклашек твоих или ровесников оторопь не берёт? Или от племянницы – сколько ей, пятый год? Поди, хоть один зуб коренной да есть?

– Растёт, вроде...

– Вот, они крепко за жизнь держатся, от них могилой не пахнет. Спасать тебя надо, а то или свихнешься, или дом приберёт. И медлить нельзя. Зубы с печки зря выбросила, получится ли без них обряд – не знаю. Придётся вместо их силы Генку сюда звать – он хоть и сорняк в своём семействе, да зерно-то одно, что-то в нём да есть.

– А Лада? Вы говорите, и ей не поздоровится?

– Не спрашивай! – замахал руками Гудед. – Про тебя знаю: в опасности ты, но пособить можно. А про неё... только Богу ведомо.

Уходя, Саня всё же спросила:

– Дед Гудада, а почему у вас все зубы на месте? Вы же... в возрасте...

– Тоже мне, Красная шапочка: «Почему у тебя такие большие зубы?» Иди уже, Генке звони, время уходит, – и помолчав, добавил непонятное, – жена меня любила... позаботилась.

Саня добрела до дому без происшествий. Надо было звонить Геннадию, но всё услышанное теперь казалось какой-то ерундой. Ну что она скажет? «Гена, простите, но меня дом забирает?» Чушь... Вдруг остро захотелось затопить печь – там, в кухне. «В крайности бросаюсь», – с удивлением подумала она, давно ли боялась? Саша вспомнила, как вчера было уютно возле огня, и её вновь потянуло на тот островок безопасности и спокойствия. Мысль о ровном биении пламени за дверцей отодвинула ужасы, спасительно заслонила.

Печь словно ждала – радостно распахнула нескрипнувшие дверцы топки, откликнулась на Санины всё ещё неумелые попытки поддержать огонь, задышала, помогла. Саня устроилась за кухонным столом с телефоном. В сказках герой, столкнувшись с проблемой, спрашивал совета у какого-нибудь мудрого предмета: зеркала, например. А сейчас... «Окей, гугл», – прозвучало в тёмной комнате коротким заклинанием. А что спросить? Саша без особого интереса побродила по сайтам практикующих психологов с рассказами о панических атаках, депрессивных состояниях, фобиях – нет, это вряд ли её случай. Она вспомнила про Ладин зубик и вбила в строку поиска: «Суеверия, зубы». Да, вот и мышка, и слова те же, что они с племяншкой шептали недавно: «на тебе репяной, дай зуб костяной!» Строчкиплыли перед глазами: суеверия, рассказы пользователей, даже научные работы (надо же, кто-то ведь изучает такое!): «Хтонический аспект мифологии мыши очевиден. Но у мыши есть и небесные коннотации, хотя они менее выражены. В.Н.Топоров в своей статье подчеркивает эти медиативные функции мыши – связь между небом и землёй...»

Небесно-хтоническая мышь... С ума сойти. Это и на свежую голову не осознать, а когда вечер на дворе – и вовсе. Саня почувствовала, что глаза слипаются. Станный этот день вдруг навалился на неё, и она уснула, едва разобрав постель.

Плавность сна, подступавшего первыми ласковыми волнами, нарушил звонок – сестра, Ната. Чего ж среди ночи-то? Хотя... на часах всего пол-одиннадцатого.

– Саня, привет. Я с плохими новостями: Ладу сегодня в больницу положили.

Саня ахнула:

– Да ты что! Серьёзное что-то?

– Не знаю. Температура небольшая, слабость, горло не красное. И так две недели уже почти. От нашего педиатра толку мало, не знает, чего придумать: «Психосоматика, стресс», – говорит. Наконец направление дала на обследование. Сегодня и положили.

– А что, стресс какой-то был?

– Был, но ничего серьёзного. Лада же у нас падать мастерица, ты знаешь. Её в садике толкнули, она подбородком – об угол. Синяк в пол-лица, чуть зуб не выбила. Ну, тот, коренной, что только показываться начал. Ты ещё со своими сказками! Ладка больше не от боли ревела, а от того, что мышка на печке обидится: мол, не бережёшь мой подарок!

У Сани перехватило дыхание:

– Погоди... зуб цел?

– Цел, да побаливает. Там на десне такой синяк... В больнице я про это сказала, но они говорят, что не связано.

Тук-тук... тук... пропуск, пробел. Ритм сердца вдруг скомкался, и тут же оно забилося часто-часто, как стучит обычно у маленьких напуганных существ. Саня перевела дыхание. «Человек за жизнь зубами держится...» – вспомнились слова Гудеда. – «Старики, что без зубов, на краю могилы сидят, ноги свесили». А если человек теряет коренной в середине жизни? Саню вдруг обдало холодной жутью. Получается, что с таким человеком всё, что угодно случиться может – зуба нет, связь с жизнью нарушена! А ведь этот коренной у племяшки единственный.

Едва соображая от тревоги, выдохнула в трубку:

– Ната, я к Ладе приеду завтра, с утра...

– Так я тебя об этом и хотела попросить! Ты можешь отгул взять? Я только к вечеру с работы выберусь, а Лада первый раз в больнице, боится.

– Я отпрошусь, не переживай. И с врачом поговорю.

Белые стены, жужжащие лампы-трубки, запах лекарств. Коридоры длинные-длинные, бахилы смягчают стук каблуков. Свет дробится на стальных инструментах. Ладкина ладошка в руке – горячая. Врач рассматривает снимок, хмурится... ох, как хмурится. Лада сжалась в кресле, глазёнки лихорадочно блестят.

– Ну, что сказать... – стоматолог отложил снимок. – Хорошо, что настояли на повторном осмотре. Острая травма, правый резец нижней челюсти. Дело, в общем-то, обычное, но рентген странный...

Врач указал на тёмный прямоугольник снимка на экране. Маленький корень туманным пятнышком едва виднелся в десне. Рядом четко просматривались здоровые зубы.

– Я сначала диагностировал пульпит, возможный некроз ткани, но... Корень травмированного зуба как будто бы другой плотности, видите? Это уже повторный снимок, и корень со временем как бы тает, растворяется. Исчезает... А синяк растёт, антибиотик не работает. Я, признаться, с таким в своей практике не сталкивался. Не думаю, что травма стала причиной состояния, но лучше исключить такую вероятность. Зуб придётся удалять.

– Нет! – Саня, не отдавая себе отчёта, с силой вбила ладонь в стол, сшибла карандашницу. Перехватив испуганный Ладушкин взгляд, с трудом подавила в себе панику, заговорила горячо и быстро. – Семён Павлович, нельзя зуб удалять! Он же коренной, вы не понимаете...

– Да что вы всполошились? Конечно, удалять зуб в таком возрасте неприятно – придётся несколько лет жить без него, пока челюсть сформируется и можно будет ставить имплант. Но разницы не заметите.

– Не удаляйте... – Саня вдруг растеряла все слова, слёзы брызнули, она умоляюще смотрела на врача. Не рассказывать же ему про мышку на печке, про цыгана... – Нельзя удалять, Лада ведь маленькая ещё...

И забормотала, от стыда пряча глаза и задыхаясь от неудобства:

– Скажите, сколько, мы найдём... пожалуйста...

– Ну, голубушка, вы совсем не понимаете, что несёте! – Тут уже врач прихлопнул рукой по столу, бумаги прыснули в стороны. – Отведите девочку в палату, хватит истерик!

Тут он смягчился и, серьёзно глядя Сане в глаза, добавил:

– Не волнуйтесь, сделаю, что нужно. Что смогу.

Саня уложила Ладу, сунула пахнущую спиртом сосульку градусника ей подмышку. Племяшка смотрела совсем по-взрослому: болезнь часто придаёт детскому наивному взгляду суровость, скорбность даже. Надо было что-то говорить, но Саша почувствовала, что вместе со словами и слёзы пойдут – не остановишь. Горячая ладошка ухватила за запястье.

– Саня, не бойся, он не злой, селдитый только...

– Ты о докторе? Да, не злой. Он нам поможет обязательно!

Сказала и сама не поверила. Слабая тень корня на снимке. Зуб-призрак. Он тает, а вместе с ним тает и Лада. Мёртвое внутри живого. Цветной картинкой встало перед глазами: этот маленький мёртвый участок разрастается, выбрасывает ложноножки, тянет жизнь из всего, что рядом. Розовые свежие ткани сереют, блекнут. Корень зуба, подарка от мыши, мертвеет и мертвенность эта растёт вглубь. Вглубь маленького живого человека, её любимой девочки.

Слеза скатилась. Саня быстро смахнула её и нарочито весело обернулась к Ладе – остро напоролась на больные воспалённые глаза. Блеск лихорадочный, зрачки чёрными точками, медово-карий взгляд – Лада никогда не смотрела так раньше, но взгляд вдруг показался очень знакомым... Не в силах вынести напряжения, Саня быстро поцеловала племяшку, проверила градусник, не различая цифр. Нужно было уходить, страшно было уходить. Шёпот: «Ещё плидёшь?»

Саня сдала халат в гардеробе, пошла к выходу. И вдруг замерла, словно разом оглохнув, ослепнув, ослабев. Медово-карий взгляд... голубых глаз. У Лады – голубые глаза. Память запульсировала, беспорядочно выдавая образ за образ: зубы на печке, разверстая печкина пасть, дом-зверь в ограде, мышь-старуха. Прощальный медово-карий взгляд глаз-бусинок... Саня тряхнула головой – привиделось же... Привиделось?

Отчаяние и злость закипели внутри. Злость на кого-то неведомого, нависшего над Ладущкой, безразличного к её беде. «Нет, нет, нет», – стучало в голове колёсами тяжелогружёного поезда. «Нельзя, не допусти, меня – не её», – как заведённая твердила Саня. Разрозненные эти слова сложились во фразу, за которую она ухватилась крепко-накрепко, будто не было ничего важнее в тот миг: «Не трожь! Меня возьми – не её, не Ладущку!» Крикнула неведомо кому мысленно, с напряжением, словно тяжёлую вагонетку оттолкнула. И вдруг оглохла от наступившей внутри тишины: злость отступила, мысли утихли. Осталось ожидание – услышит ли тот, страшный? Послушает ли?

Неведомо где, неразлично для человеческого уха что-то лязгнуло, будто перевели стрелку – вагонетка встала на другой путь.

Ночевала у сестры: тревога не давала вернуться в Балай. Страх за родную душу – страшнейший. Ведь случись что с близким человеком, он исчезнет, а ты останешься. Чтобы вспоминать двести, триста бесконечных кромешных ночей подряд. Один на один с горем, с глазу на глаз. А глаза у горя темны, глубоки – не выплывешь...

С Натой всю ночь проговорили, промолчали, проплакали. Под утро забылись тяжело, и будто сразу – звонок:

– Звоню вас успокоить. Мы сменили препарат. Инъекции болезненные, но, кажется, зуб сохраним...

– Семён Павлович, миленький!

Первые же уколы дали результат: температура спала, лихорадочный блеск глаз сменился на привычные лукавые огоньки. Можно было ехать домой. «Домой?» – удивилась Саня, – «Быстро же меня прибрало, одомашнело». И вдруг до тоскливого нытья где-то в подреберье потянуло в Балай, в тёплый полумрак старого дома. Она представила, как выйдет из машины, как заскрипит нетронутый снег, шесть клавиш-ступенек на крыльце просипят свои ноты, мягко хлопнет дверь за спиной, и вот она – печка, широкая, такая надёжная.словно центр всего.

В предвкушении встречи не заметила, как домчалась до деревни. Но снег у дома явно кто-то трогал. Топтал нервными ногами, мял ожидающими шагами. Всё это Саня заметила вполглаза – забежала, взглянула печке в лицо, качнулась к белой нетопленной громадине, обнять, прижаться... Телефонный звонок сломал нежность момента.

– Да ты ума лишилась, девка! – накинулся на неё дед Гудед. – Уехала, мне ни слова, Генке не позвонила – время же тикает, дурында! Страха не имеешь?

Вспомнила про обряд, жутко стало.

– Да я... племянница заболела

– «Племянница...», – подразнил цыган. – Генка приедет утром, для обряда. Удерживать тебя будем, а то сгинешь.

А ночью сладко заломило тело. Каждая косточка плавилась в истомном огне, менялась, перетекая во что-то неведомое. Саня становилась всё легче, и в какой-то миг лёгкость эта настолько её переполнила, что лежать под одеялом не стало сил. Она вскочила порывисто, сделала несколько шагов, и вдруг упала, рассмеявшись. Неведомое доселе чувство невесомости, смешное смещение потолка и пола, центра тяжести – все удивляло и радовало. Светлым пятном она стояла среди комнаты на четвереньках, поражённо оглядывая такие привычные, но будто бы невиданные ни разу предметы: необъятную арену стола, великанистый шкаф, окна огромные, не вмещающие серебряную в лунном свете белизну снега. А за стеклом двигались мелкие чьи-то тени, подпрыгивали неуклюже, тянулись голосами к высокому небу. Тонколомко запело среди улицы – или просто на грани сознания?

вверх не пыркнешь, вниз не сойдёшь,

из тёплой золицы плащик сошьёшь —

слёзы землице, косицы золе,

смертным крепень, детское – мне.

мнемнемнемне!

«Мне, мне...» – Саня вдруг поняла, что подпевает странной песне, лопочет неожиданно онемевшими губами. Веселье будто разом утекло в щели половиц, уступив место вязкой тревоге.

Снежный свет слепил. Слабым отражением заоконной белизны светлел бок печки – единственный неизменный и привычный предмет среди этой ночной чехарды. Саня попыталась подняться, оттолкнулась от пола, но её занесло и кинуло обратно – так, что она чуть не ткнулась лицом в пол. Удивлённо уставилась на свои растопыренные пальцы, странным образом вытянувшиеся, прозрачневшие в полумраке. «Ну и сон... – подумалось ей. – Ну и сон».

Неожиданно ловко перебирая руками и ногами, она пробежала до печки, ухватила за её тёплый – будто мамкин – бок, прильнула. Отдышалась, успокоилась. Придерживаясь руками за печь, стала подниматься. Но с каждым сантиметром вверх росла боль в спине. Вот она искрой в сырой поленице пробежала по позвоночнику, вот – плеснула на полешки-позвонки огневой щедрости, забила в исполохах. Саня через силу выпрямилась, и боль заревела мартенном, охватила её целиком, выстрелила в копчик длинным острым ударом. Девушка с криком переломилась пополам, устремляясь вниз, к полу. Упала, тяжело дыша, дрожа ночной тенью. Внезапно пришла мысль: «Вот, кто увидит...» Спрятаться скорее, чтоб не тронули, не вернули уходящую боль! С неожиданной прытью кинула тело на стул, оттуда – к приступку, выше-выше,

туда – за спасительную печную занавеску. Занавес качнулся, пропуская – и опустился. Саня привалилась бочком к печи и, втягивая тепло всем переломанным телом, провалилась в забытьё.

Вздых прогудел над печкой, разбудил: «Эх, девка...». Колыхнулась шторка под рукой, глаза Гудеда блеснули влажно. Саня спросонья ошалело крутила головой – мир изменился. Из него исчезло вдруг всё зелёное и красное, и даже сама память об этих цветах казалась сном. И ещё мир пах: навязчиво, подробно, отвлекая от мыслей. Сами же мысли были странными, едва облаченными в словесную одежду – не мысли-фразы, а мысли-намерения, мысли-предостережения. Мелькнуло словечко «инстинкты», но Саня не была уверена, что знает его значение. Она заглядывалась – почудилось вдруг, будто потеряла что. И увидела хвост – в серых чешуйках, с беззащитным розовым кончиком. «Мышь. – Вдруг отчетливо поняла она. – Я – мышь».

Огромная человечесья ладонь потянулась погладить, попрощаться. Саня отскочила, шерсть на гривке подняла щёткой – не тронь! Откуда-то пришло знание: нельзя мышей-ведунниц трогать, сам перекинешься! Словно понял, отдёрнул руку. «Шумере моей... привет передай. Скажи, скучаю за ней», – прошептал.

Природа не терпит пустоты... Та, с медово-кариными глазами, ушла, а дом ждал, морочил. Вот и дождался. Но вместо страха Саня с удивлением ощутила странное спокойствие: всё правильно, так надо. Теперь ей людей на смертный путь ставить. Молочный зубик забрать, коренным к жизни привязать. Так заведено из века в век, а кем – не нашего ума дело.

В сознание хлынули тысячи образов, лиц, линий жизни – переплелись причудливыми узорами человеческих судеб-тропинок. Многовековая память кареглазой мышши-ведуньи наложила на новую личность, всё больше подчиняя Саню своей воле. Но остаток человеческого сознания метнулся к родному, ещё незабытому: Ладушка, как она? Через снег, леса, расстояния почувствовала тёплую ауру, мерцание спасённого зубика. Будет жить. Хорошо.

И, словно старый сон вспомнила, поплыла обратно, на печь: над еловыми ветками в сугробных шапках, над спящей рекой-невидимкой, над деревушкой, ждущей лета в чьих-то уютных снеговых ладонях. Над крышами кудрявились печными дымками «Аделаида», «Шумера» – подружки-мышки, ждали, дождались! Эге, Шумера-то в доме деда Гудеда живёт – не совсем вдовец, соломенный! Правду он сказал – любила. С такой заботой вечный дед будет.

И словно не стало ни смерти, ни рождения, лишь жизнь бесконечная. Пройдёт немного времени, чьи-то руки отдернут шторку, и прошуршит над печкой детский, замирающий от близкой тайны голосок: «Дай зуб костяной!»

Все жить хотят. Ну, держи...

Шорохом-морохом. Фуух...

Миша просыпается

Татьяна Аксёнова

Миша просыпается от того, что солнце тычется ему в лицо. Лучи холодные и скользкие, как лягушачьи спинки; такие прикосновения не очень-то приятны, поэтому Миша переворачивается на другой бок. Все еще не открывая глаз, он чувствует чье-то тепло.

Миша протягивает руку и касается упругого и податливого, мягкого, ждущего женского тела. Тело вздрагивает, просыпаясь, шуршит простынями, перехватывает губами Мишины пальцы, втягивает их в рот. Рот не просто теплый, а горячий, будто Миша сунул руку в микро-волновку. Он чувствует влажный язык и острые, будто наточенные зубки. Миша вытаскивает руку изо рта женщины. Проводит пальцами по ее шее и груди. Она вся гладкая и ладная, нормальная до самых бедер и немного ниже; и дальше тоже ужасно гладкая, только уже не нормальная, только ничего нормального в ней нет.

Миша открывает глаза. Женщина рыжая. Рыжая сверху, а снизу золотистая; и Миша видит, что она и правда красива, очень красива; только непонятно, как же Миша вчера занимался с ней любовью, как это вообще получилось, а ведь он занимался, да, не мог не заниматься. Миша проводит пальцами по чешуйкам на ее хвосте – холодном, холодном хвосте – и смотрит, как золото преломляется на солнце. Золото... золото и огонь. Женщина перекачивается поближе к Мише, хвост струится по простыням, он слишком длинный для этой кровати, он сполз вниз и кольцами свивается на полу. Женщина обхватывает Мишины плечи тонкими руками, тянется к его губам, и это притягательно, невероятно притягательно; только вот Миша думает о ее зубах, не может не думать о ее зубах, о нескольких рядах острых зубов во рту. Раздвоенный язык пробегает по Мишиной щеке. По подбородку. Забирается к нему в рот. Миша закрывает глаза, прижимаясь к горячей груди женщины, вслушиваясь в шуршание, в странное шуршание, зная, что еще несколько секунд, и чешуйчатый хвост снова взберется на кровать, прикоснется к его ногам, обовьется вокруг ног и сдавит, сдавит, сдавит.

Женщина целует Мишу и гладит его спину. Гладит шею. Играет с волосами. Ее пальцы такие гибкие, будто тоже умеют сворачиваться в клубок. Ее язык такой гибкий, что вылизывает Мишин рот до самого горла. Ее тело такое гибкое, что...

Что-то холодное прикасается к Мишиному колену, и он вздрагивает и ежится, не открывая глаз. Что-то очень гибкое.

Миша просыпается.

Он просыпается от солнца, от теплого и ласкового солнца, и улыбается тому, что сегодня будет хороший день. Миша протягивает руку и ощупывает постель рядом с собой; постель смята, но пуста. Никого. Миша открывает глаза. Здесь еще пахнет женщиной; женскими духами и потом, и на подушке остался волосок – длинный и рыжий.

Здесь была женщина, Миша снова привел сюда кого-то; но теперь этот кто-то ушел, и Миша остался один. Он задумчиво гладит теплые простыни с запахом чужого тела; в доме очень тихо, но вдруг слышатся шаги. Чьи-то босые пятки прилипают к линолеуму, а потом отрываются с чавкающим звуком. Все ближе и ближе.

Нет, женщина не ушла. Через пару секунд она заходит в комнату – в Мишиной футболке, болтающейся на ней, как парус; рыжая, да; красивая. У женщины длинные стройные ноги, и очень хочется заглянуть выше; просто понять, есть ли на ней трусики, но за футболкой не видно; зато в руках у женщины поднос, а на подносе дымится кофе, и еще что-то в тарелках – отсюда непонятно, что.

Женщина улыбается Мише, и он улыбается в ответ. Одеяло отодвигается в сторону, она садится на край кровати, рядом опускает поднос. В тарелке какой-то странный салат или даже

не салат; Миша не может вспомнить, чтобы такое водилось на кухне, но женщина берет в руки ложку, набирает немного и подносит к его лицу. Миша послушно открывает рот. Начинает жевать.

Еда странная. Странная не на вкус, а, наверное, на ошупь. Будто что-то не то попало в рот, будто оно не хочет, чтобы его жевали, и, особенно, чтобы проглотили. Но Миша глотает, а женщина с улыбкой протягивает еще. Она смотрит Мише в глаза, пока кормит его; такой завораживающий взгляд, что невозможно отвернуться; а в горле у Миши что-то есть, что-то точно есть; пробирается то ли вверх, то ли вниз. Миша опускает глаза и смотрит в тарелку. Ему вдруг кажется, что салат шевелится; да, точно шевелится, и это же не салат – это жуки и мокрицы, полная тарелка мокриц.

Миша кашляет. Миша заходится в кашле, но ничего не выходит; ничего не выходит и не выплевывается из него; а жуки уже у Миши в горле; и в желудке, десятки лапок скребутся в нем, десятки жвал кусают его изнутри.

Женщина улыбается. У нее рыжие волосы, длинные ноги и фасеточные глаза. Женщина улыбается.

Миша просыпается.

Миша просыпается от будильника. За окном серо и в комнате тоже серо; не поймешь, утро или вечер. В Мишиной постели пахнет только Мишей и никем больше, он снова спал один. Сейчас семь, у Миши есть только полчаса на то, чтобы побриться и одеться; может, еще позавтракать, если будет время; но вряд ли, времени никогда нет.

Миша нехотя выползает из-под одеяла, шлепает босыми пятками по направлению к кухне, доливает воды в чайник, ставит на самый маленький огонь. Пока греется вода, Миша забирается под душ; теплые струи текут по его голове и плечам, не смывая сон, а, кажется, наоборот.

Миша размазывает по щекам пену, достает бритву, подносит ее к лицу, прижимает к коже, проводит снизу вверх. Он должен выглядеть прилично; у Миши десяток подчиненных, небритым ходить нельзя. А еще сегодня нужно к директору: поговорить об отпуске и о том отчете; и премия, второй год нет премии, куда это годится. Рука Миши слегка дергается, лезвия врезаются в кожу. По шее стекает струйка крови – такая горячая, странно; даже горячее воды. Миша заканчивает бриться и выбирается из душа. Кровь почему-то не останавливается, никак не останавливается; куда делся этот идиотский пластырь, он же всегда валялся где-то здесь. Пока Миша перерывает шкафчик в ванной, чайник успевает выкипеть и залить плиту.

Миша вбегает на кухню, выключает газ, открывает окно. С улицы веет холодом и промозглой сыростью. Нет, никакого завтрака; уже двадцать минут восьмого, даже кофе выпить некогда. Миша натягивает майку, рубашку, брюки. Подходит к зеркалу и замечает, что пластырь на шее промок насквозь; матерится, наклеивает еще один, побольше, прямо поверх первого. Кое-как повязывает галстук, надевает пиджак и пальто, шнурует ботинки.

Восемь тридцать две. Уже восемь тридцать две, когда он запирает дверь. Миша пешком спускается со своего четвертого этажа – это точно быстрее, чем ждать лифта. Выбегает из подъезда. Несется на остановку, пытаясь перепрыгнуть лужи и не обращая внимания на горячие, ужасно горячие струи, которые стекают по груди. Заводской автобус ждать не будет; нет, все точно, все по расписанию. Миша видит его издали и еще ускоряется. Едва не налетает на мамашу с коляской; в последний момент успевает свернуть; даже не извиняется, нет времени. Мамаша раздражается портовой бранью.

Автобус начинает закрывать двери. Почему-то не одновременно, а по очереди: сначала переднюю, потом среднюю; Миша успевает влететь в заднюю; сумку слегка зажимает, но после короткой борьбы ее удается втащить вовнутрь. Миша плюхается на ближайшее сидение, прилоняется плечом к окну и пытается успокоить сердцебиение. Успел. Слава Богу, успел.

Миша прикрывает глаза и почти засыпает снова. Это не страшно, здесь не проспшишь свою остановку; нестрашно, но странно. Обычно в автобусе с утра шумно: приветствия, болтовня, шуточки. Обычно шумно, а сегодня тишина.

Миша открывает глаза. Отлепляет щеку от стекла и смотрит по сторонам. На сидении через проход от него – мертвая женщина. Она не красива, нет; ей за сорок, на ней потертые черные брюки и бесформенный пуховик – почему Миша смотрит на ее пуховик, когда женщина мертвая? Ее лицо странно перекошено и в морщинах; глаза распахнуты, и рот тоже слегка приоткрыт; из уголка рта вытекает слюна.

Миша смотрит на эту капельку и не может отвести взгляд. У женщины родинка на щеке и крашенные в вишневый короткие волосы. Ее рука свесилась вниз и раскачивается из стороны в сторону, будто маятник. За мертвой женщиной сидит мужчина; у него на лице нет слюны, но он весь застывший, будто восковой; и подпрыгивает, подпрыгивает на сидении в такт движениям автобуса; зубы каждый раз стучат. У женщины тоже, да; как Миша раньше не услышал? Нижняя челюсть подпрыгивает и бьется о верхнюю. Клац-клац, клац-клац.

За Мишей тоже кто-то сидит, но Миша не хочет оборачиваться. А еще спереди; спереди темнеет чей-то затылок; покачивается, покачивается, вот-вот завалится на бок.

Клац-клац, слышит Миша сзади. Клац-клац, вплетается в мелодию еще одна нотка справа.

Автобус подскакивает. Мишины зубы от неожиданности сталкиваются.

Клац.

Миша просыпается.

Солнце впивается в глаза на манер прожектора или хотя бы лампочки в двести ватт. Миша просыпается и думает, неужели он вчера забыл задернуть шторы – но нет, не забыл; если бы забыл, Мише уже выжгло бы сетчатку. Его голова переползает по подушке влево; дальше, еще дальше от света – пока Миша не утыкается лбом во что-то мягкое и теплое. Во что-то живое.

Резь в глазах исчезает, Миша уже вне опасности; он осторожно приоткрывает веки. Волосы. Много платиновых волос; целая копна, целый водопад. Женщина спит, уткнувшись лицом в подушку, – все правильно, так и нужно; это Миша почему-то сплоховал.

В комнате не очень-то тепло, но одеяло на женщине сбилось, обвивает разве что стопы; ну, может, еще и икры. Женщина лежит на животе, и она обнажена, совершенно обнажена; только волосы немного прикрывают ее.

Миша приподнимается на локте и внимательно рассматривает гостью, ощупывает, ласкает взглядом. Да, да, конечно, она красива. Может, не лицо – Миша же не видит ее лица – но тело такое ладное, будто с картинки; будто с обложки пошлого мужского журнала; только еще лучше, потому что его можно коснуться.

И Миша не выдерживает – как тут удержаться? – прикасается; убирает мягкие, такие мягкие волосы с шеи, кладет ладонь на выпирающий позвонок, проводит ладонью по спине до самой талии, слегка сжимает упругую ягодицу. Женщина шумно вздыхает, просыпаясь, но не торопится открыть глаза; тихонько стонет, будто поощряя Мишу, и он начинает трогать смелее. Мише нравится эта гладкая кожа и плавные изгибы бедер – ничего лишнего, совсем ничего; он снова скользит выше и нащупывает небольшую грудь, плотно прижатую весом женщины к простыне. Пальцы Миши протискиваются под нее, чуть сжимают, находят сосок. Женщина стонет, да, она снова стонет, уже громче, нетерпеливее. Не останавливаясь, Миша целует тонкую шею, плечи, лопатки. Наигравшись с грудью, его правая рука пробирается по направлению к подтянутому животу. Покажи лицо, думает Миша. Покажи мне лицо, красавица. Это ничего уже не изменит, я слишком сильно тебя хочу, но покажи мне свое лицо.

Будто услышав его мысли, женщина медленно переворачивается на бок. Их глаза встречаются.

Мише знакома ночная гостья. Он знает ее, наверное, лучше собственного отражения в зеркале.

– Мама? – неуверенно шепчет Миша.

Горло перехватывает. Мама улыбается.

– Доброе утро, милый.

Миша просыпается. Миша просыпается не от солнца, потому что чертовой осенью солнце видно раз в две недели, если не реже, и сегодня явно не тот день. Миша просыпается, потому что мама трогает его за плечо.

– Вставай, Джерри просится.

– Который час? – приоткрывает один глаз Миша.

– Пятнадцать минут седьмого. Давай, в темпе.

Миша медленно выпутывается из одеяла, ставит на пол сначала одну ногу, потом другую... не глядя, нащупывает тапочки. Его сразу же начинает бить мелкая дрожь. Холодно.

Миша не спешит одеться, он решает, с чего начать: с чашки кофе или прогулки с собакой. На холод прямо из постели не хочется, противно; но завтрака еще нет, и Джерри скулит у двери все громче, так что решено.

Миша натягивает старый свитер и джинсы, застегивает куртку, шнурует кеды. Вытаскивает себя сначала из квартиры, а потом из подъезда; Джерри немедленно уносится в сторону соседней клумбы, задирает лапу. Баба Шура с первого этажа обязательно еще выскажет, мрачно думает Миша; она же все видит, даже в шесть утра; все и всегда видит, как у нее только получается?

Миша не хочет уходить далеко от дома, там же кофе и бутерброды, или даже каша, фиг с ней, зато тепло – но Джерри несется куда-то вперед, по лужам, заляпывая длинную шерсть на животе. Черт его дернул завести скотча, думает Миша, одни проблемы. Он нехотя тащится по улице вслед за псом: выхода нет, опять забыл поводок.

Джерри хоть бы хны, дождя нет, а лужи и сырость его не смущают; добежал до детской площадки и наматывает круги. Мише бы с утра такую бодрость, но откуда ее взять. Надо побриться, думает Миша, сегодня же к директору, к этой суке, которая второй год зажимает премию и не пускает в отпуск, а он с весны не был в отпуске, и даже ехать не хочется никуда – тупо посидеть дома неделю и выспаться. Какой отпуск, скажет директор, какой отпуск, если у тебя отчет не закончен, а как его закончить, если цифр еще нет, если никто вообще не хочет работать, один Миша за всех отдувается; да, какой отпуск, если он там один за всех?

Миша не хочет ехать на работу. Он не хотел идти гулять с собакой, а теперь не хочет домой – бриться и завязывать галстук, и спешить на автобус, и опять на целый день погружаться в это все. Миша не хочет ни умом, ни сердцем, он весь одно сплошное нежелание, и поэтому не сразу обращает внимание на истерический лай Джерри где-то за спиной. Миша медленно оборачивается и успеваешь заметить, как пес запрыгивает в кусты, как оттуда выскакивает кошка и за пару секунд взлетает на соседнее дерево. Усаживается на ветку – не слишком высоко, но коротконогую скотчу точно не достать; шипит, матерясь и поддразнивая. Джерри продолжает заливаться, а Миша приглядывается к кошке. Она странная, с ней что-то не так, но не сразу понятно, что; морда, да, что-то с мордой или на морде, кошка испачкалась в чем-то и теперь облизывается; в чем-то темном и похожем на кровь.

Миша переводит взгляд с кошки на Джерри, потом на кусты. Там что-то есть, понимает Миша. Что-то лежит там, тяжелое и большое; до конца даже не помещается, торчит наружу. Интересно, что это торчит наружу? Разве это не ботинок, разве это не чья-то нога?

– Джерри, – хрипло говорит Миша, – мальчик, пойдем домой.

Странно, но пес подчиняется сразу, не как всегда. Миша уходит с площадки быстрыми шагами, Джерри семенит следом; он притих, да, набегался. Притих и замерз.

Когда Миша оборачивается, кошка все еще сидит на ветке. И облизывается.

Дома все пропахло кофе и блинчиками – как здорово, гораздо лучше каши или даже бутербродов. Миша стягивает кеды, не расшнуровывая, расстегивает куртку; подумав, решает пока не переодеваться. Без десяти семь. Он успевает и позавтракать, и в душ. Как хорошо, что Миша встал пораньше; как хорошо, что мама его разбудила.

Миша полон благодарности точно так же, как еще недавно был полон отвращения к прогулкам, работе и жизни; он надевает костюм и завязывает галстук; мама выходит проводить и обнимает на прощанье.

– Удачи, милый, – говорит она.

Миша встречается с мамой взглядом и вдруг думает, что она смотрит на него странно: с каким-то странным пониманием; будто знает о Мише что-то, о чем он совсем не хотел бы рассказывать. Мама не отпускает долго, и Мише вдруг становится страшно, так страшно и мерзко, поэтому он чуть ли не силой отталкивает ее.

– Ну что ты, мама, – неловко говорит Миша.

Мама продолжает смотреть. Она как будто не обижается на грубость, она как будто видит его насквозь.

Миша вдруг хочется помыться снова, но вместо этого он быстрым шагом выходит из квартиры и захлопывает за собой дверь. Выбегает из подъезда, хотя спешить особо некуда; он не опаздывает, он просто не хочет больше оставаться дома.

Автобус подъезжает к остановке точно вовремя, Миша взбегает по ступенькам, быстро пересекает салон, находит пустующее одиночное сидение, усаживается, громко здоровается со знакомыми. Его провожают странными взглядами, но почти сразу возвращаются к прерванному разговору. Утро. Утром всегда шумно. Миша закрывает глаза.

Ехать долго, около часа; давно пора найти работу поближе, но Миша же тут начальник, да, не очень высокий, но все-таки; и деньги, и вообще, привык. Ехать около часа, и Миша успевает несколько раз задремать и проснуться снова. А потом автобус дергается в последний раз и замирает. Прибыли.

Народ высыпает на улицу, Миша задерживается и выходит одним из последних: куда спешить, некуда ему торопиться. Заходит в административное здание, прикладывает пропуск к турникету, на лифте поднимается на третий этаж.

– Вероника Максимовна уже на месте? – мрачно спрашивает Миша секретаршу Анечку.

– Нет, – говорит та и на секунду отрывается от маникюра. – Еще нет.

Миша почему-то не уходит сразу. Миша внимательно смотрит на кусачки в руке Анечки; на то, как неумолимо они приближаются к пальцам, как захватывают кожу – почему так много и сильно; так же неправильно, что она делает? – как отщипывают кусок чего-то – кажется, пальца; Господи, она же полпальца себе откусила! – как Анечка приподнимает руку, чтобы кровь стекала на ладонь, на запястье, ниже, ниже; как она останавливает струю языком.

– Что такое? – спрашивает секретарша, взяв палец в рот и причмокивая.

– Н-ничего, – отвечает Миша. – Сделаешь мне кофе?

Она делает, конечно; как обычно, как почти каждое утро. У них на заводе всегда отличный кофе; только сегодня он почему-то с привкусом железа.

Миша хватается за телефон и совершает штук десять, нет, двадцать звонков; прямо с утра, да, пока многие еще чаевничают и «настраиваются»; а на самом деле просто тянут резину, бездельничают; бесполезные идиоты. Мише нужны эти чертовы цифры, закончить чертов отчет, пойти на ковер к чертовой Веронике, выслушать ее чертовы придирки. Миша не в настроении, и к юристам он забегает тоже не в настроении, даже скорее в ярости.

Нет, ни черта они не работают. Леша сворачивает окно браузера, как только Миша появляется на пороге, – опять какой-то развлекательный сайт, – Вика грызет яблоко, бездумно глядя в экран; Денис подшивает документы в папки; медленно, обстоятельно, лишь бы занять время. Берет дырокол и пробивает листы; не стопками, а чуть ли не по одному; берет дырокол и засовывает в него ладонь. Нажимает.

Миша выходит из кабинета, ничего не сказав; слишком быстрым шагом возвращается к себе, успевает через открытую дверь кухни заметить, как склоняется над кофе-машиной бухгалтер Ольга Сергеевна; как она подставляет губы под струю кипятка, как, захлебываясь, пьет; Миша забегаёт в кабинет и закрывает дверь. Садится за компьютер. Открывает таблицу. Звонит телефон – это Анечка набирает по внутренней связи: сказать, что Вероника Максимовна уже ждет. Ждет. Да. Она ждет его.

Миша внимательно изучает стол, всю эту канцелярскую дребедень, до которой так легко дотянуться; все эти полезные штуки: дырокол, степлер, ножницы, тонкую металлическую линейку; а от компьютера тянется куча проводов к розетке; а работает Миша на третьем этаже....

Миша встает и идет в кабинет директора.

– Вызывали? – говорит он, постучавшись и приоткрыв дверь.

– Заходи, – милостиво позволяет босс.

Миша заходит.

– Закрой дверь, – говорит Вероника.

Миша закрывает. Щелкает язычок замка.

На улице все еще ни намек на солнце, но в кабинете есть лампы, яркие лампы, в свете которых видно странное. Миша стоит, замерев, не в силах пошевелиться, и смотрит на босса во все глаза. На ней пиджак, да – вот почему Миша понял не сразу; но теперь Вероника встает и снимает его с плеч; теперь тановится заметно, что под пиджаком она голая, совсем голая; нет ни трусиков, ни чулок.

А она красивая, против воли мелькает в голове у Миши. Красивая, хоть он никогда раньше так не думал о боссе, еще чего, об этой суке. Грудь, боже мой, какая грудь, а под костюмами было не видно; и ноги, и почему-то шея – как шея может быть соблазнительной? – но у Вероники почему-то да. Ей под сорок, думает Миша, а как заботится о себе, даст фору многим двадцатипятилетним. Сука, думает Миша с восхищением, просто сука; как же я ее ненавижу.

– Иди сюда, – говорит Вероника, но Миша не идет. Он не может идти; кажется, Миша прирос к двери, на которую опирается спиной; прирос к полу; прирос к своему костюму. – Иди сюда, – повторяет Вероника.

Она медленно огибает стол, медленно приближается, покачивая бедрами, медленно расплывается в улыбке. В ней нет дружелюбия, в этой улыбке, нет приглашения или поощрения. В ней что-то другое; наверное, угроза.

Руки Вероники перехватывают Мишино запястье, когда он судорожно пытается нащупать ручку двери, – неожиданно крепко, слишком крепко для женщины – отодвигают в сторону, чтобы не мешал. Ее лицо приближается к Мишиному лицу.

Миша забывает, как дышать; по его подбородку стекает что-то теплое и вязкое, – кажется, прикусил губу; улыбка Вероники становится шире, розовый язычок медленно выскальзывает изо рта.

Тонкая ладонь накрывает торчащий из двери ключ; проворачивает его раз, другой, третий – странно, тут ведь самый обычный замок, разве его можно закрыть на столько оборотов? И звук; замки срабатывают иначе, со щелчками; а это же не щелчки, это самый настоящий хруст. Миша опускает глаза.

Он все еще не дышит, только смотрит; только следит за тем, как Вероника запирает дверь и вместе с ключом проворачивается ее запястье. Раз. Другой. Третий.

Хрусь. Хрусь. Хрусь.

Миша просыпается.

Он просыпается и чувствует тепло солнца на щеках. Это приятно, и Миша переворачивается на спину, чтобы подставить солнцу как можно больше себя. Миша вытягивается всем телом, будто кот; открывает глаза.

Света нет. Солнце больше не дает света; все, на что оно способно, – это только тепло, сколько угодно тепла, приятного, правильного тепла. Миша вытягивает руку и ощупывает постель рядом с собой, касается каждой складки, встряхивает одеяло, даже забирается пальцами под подушку, будто кто-то мог спрятаться и там. Но рядом никого. Миша вчера привел кого-то домой, конечно, привел, не мог не привести – но только теперь почему-то он один.

Миша сползает с кровати и начинает на четвереньках ползать по полу, прикасаясь, трогая, изучая пальцами каждый предмет, пытаюсь вспомнить, было ли все это тут вчера, не появилось ли чего лишнего, не переместилось ли что в другой угол. Миша ползает долго и не может нащупать никого живого и никого, бывшего когда-то живым. Он привел кого-то вчера, но кажется, тот не захотел остаться.

Миша встает и, выставяя руку впереди себя, чтобы не наткнуться на стену или шкаф и не расшибить лоб, идет к кровати. Осторожно забирается в нее, заворачивается в одеяло, не забывая подставить лицо солнцу. Закрывает глаза. Он лежит в темноте и слушает, как идет время; время, не похожее на тиканье часов, на судорожные движения секундной стрелки через одинаковые промежутки; нет, время идет неравномерно.

Скачок на три минуты. Миша устраивается поудобнее.

Скачок на восемь. Становится жарко, и он высовывает правую ногу из-под одеяла.

Скачок на пару секунд. Вдох. Движение ресниц.

Скачок на полчаса. Миша сбрасывает одеяло на пол. Больше ничего не происходит.

Скачок. Ничего не происходит.

Скачок. Ничего.

Миша просыпается.

Миша просыпается, и ничего не происходит.

Миша лежит в темноте и слушает, как идет время.

Скачок. Ничего.

Ничего не происходит.

Миша просыпается.

Ничего.

Квартиранты

Денис Скорбилин

«Помогите найти меня». Помните такие плакаты? В вагонах метро, на станциях, на столбах. Симпатичная девочка: светлые волосы, большие глаза, острый подбородок. Эти бумажки оказались отправной точкой больших перемен в моей жизни. Однако начинать эту историю нужно не с плакатов. Лучше начать с конца – со снов.

Мне часто снится один и тот же кошмар. Я сижу возле большого костра, а вокруг темнота. Я смотрю на огонь, на искры, взлетающие с дров, словно маленькие отважные звездолёты. На душе легко и спокойно. Так можно сидеть очень долго, поджаривая хлеб или наблюдая за костром, пока рядом дожидаются жарких углей крупные картофелины. Как в детстве, когда мама и папа были рядом, а жизнь казалась размеренной и плавной. Когда я не знал ничего из того, что знаю сейчас.

Стоит пошевелиться – а рано или поздно это приходится сделать – как тело слабеет. Вот тогда становится трудно дышать. Я не могу оторвать взгляд от огня, который уже не кажется уютным. Не могу встать. Не могу закричать. Кто-то высокий стоит за спиной, но невозможно обернуться и посмотреть. Тело становится мягким, как вата. В этот самый момент я обращаю внимание на то, что в свете костра не видны стволы деревьев. Что над головой нет ни звёзд, ни облаков. Не видно земли вокруг костра. Только пламя, непроглядная темнота вокруг, я и тот, кто позади. А больше ничего, вообще ничего. Тогда способность кричать возвращается, и я кричу, кричу, кричу...

Ещё хуже, если идёт снег. То есть, это сначала кажется, что снег. А потом понимаешь, что это пепел опускается сверху, покрывая руки, голову, плечи. Пепел лезет в нос, горло, забивает лёгкие. Пепел везде, ни вдохнуть, ни закричать. Боюсь, однажды я так и задохнусь во сне.

* * *

События того вечера плохо отложились в памяти. Я возвращался с работы на метро, окружённый людьми, с которыми у меня было не больше общего, чем с обитателями другой планеты. Местные и приезжие – если пожить тут немного, различаешь их с первого взгляда – сидели, стояли, слушали музыку. Многие уткнулись в смартфоны. И почти никто не разговаривал. Словно таинственный общественный договор запечатывал уста каждому, кого проглатывала длинная змея поезда.

После испытания обществом я выбрался на поверхность. Взял пива в ларьке и что-то пожевать. Купил дешёвой рыбки, чтобы угостить Ваську. Я часто подкармливал квартирного кота, пока жил в «хрущёвке» на Искры. Поэтому неудивительно, что из всех жильцов блохастый привечал только меня. Заметил ли я что-нибудь подозрительное? Чёрт его знает. Объявления уже расклеили, но в темноте было сложно что-либо прочесть.

Дома поздоровался с соседями, прошёл к себе и развалился перед ноутбуком. Разобрал почту, выпил пива, посмотрел сериал. Прокрутил обновления на имиджбордах. Всё как обычно. Когда выпитое позвало в туалет, мог заметить, что соседская стена стала подозрительно тёплой. Но мог и не заметить. Я ведь говорил, что плохо помню тот вечер?

* * *

Утром я оделся и вышел в общий коридор трёхкомнатной квартиры, которую делил с двумя семейными парами. Мой бывший однокурсник Гена и его жена Алина жили в спальне

напротив. Я редко виделся с ними по утрам, потому что оба работали на другом конце города, добираясь на метро с пересадками. Ребята собирали на ипотеку и экономили каждую копейку, снимая комнатку в нашей дешёвой квартире.

Зато с другой парочкой, Сашей и Димой, я частенько сталкивался на крохотной общей кухне. В тот день между ними опять пробежала кошка. Димон играл в карманную приставку, а его жена пила чай и смотрела в окно. Помню, как мазнул взглядом по Диме, его нахмуренному лбу и поджатым губам. И хорошо помню Сашу. Золотые волосы, выющиеся на концах. Вздёрнутый нос. Тёмно-синие глаза, устало глядящие из-под прикрытых век. Я поздоровался и сразу же вышел на улицу. Слишком громко молчала эта парочка, чтобы нарушать их тишину.

Мир встретил чистым, удивительно прозрачным небом, какое бывает только в начале октября. Ярко светило солнце, но в воздухе уже ощущалось холодное дыхание осени. Удивительное утро. Кто знает, может я вообще выдумал эту погоду, но мне приятно помнить этот день таким.

* * *

Меня зовут Ян. Когда-то я работал программистом. Писал код, копил на собственную квартиру, мечтал об интересных проектах. Ну, знаете, все эти простые радости маленького человека, который не подозревает об изнанке привычного мира. Теперь всё не так. Возможно, я ещё смогу вернуться к работе, но насчёт жилья... не знаю. Жаль, люди больше не могут жить на природе. Только представьте: огромный пляж, вокруг только песок и море. И никаких стен. Вроде бы фрилансеры на Тае живут именно так.

* * *

На ужин купили пиццу. Мы часто брали в складчину пять коробок и пиво. Дёшево, весело, посуду мыть не надо. Я люблю «Суприм» за оливки и колбаски, Дима заказывал что-то с рыбой. Остальные по-всякому. Пили «Балтику», без изысков и экономно.

В тот вечер Алина рассказывала о работе в банке. Кто бы мог подумать, что на такой скучной работе происходит столько интересного. Это то, чего я не понимаю: в крупных фирмах работники должны быть ограничены в действиях, как переменные в программном коде. Но Алина танцевала между предписаний и инструкций, помогая одним и мешая другим. Не бесплатно, конечно. Не удивлюсь, если они с Генкой уже накопили денег и переехали. Что же, пусть хоть кто-то будет счастлив в этой истории.

Дима выглядел неважно, его что-то беспокоило. Сашка грустила, с тревогой поглядывая на мужа. Я понятия не имел, что происходит между ними. Мы не были любопытными соседями, и старались не лезть в чужие дела. Поменьше видеть, поменьше слушать. Так мы пытались сберечь хоть немного приватности. Комнаты в «хрущёвках» маленькие. Стены тонкие, межкомнатные двери без звукоизоляции. Когда я заходил в комнату, сразу надевал подаренные на новоселье наушники – накладные, с хорошей шумоизоляцией. Потому что лучше слушать «Скриллес» на полной громкости, чем завидовать задорному пыхтению Гены и Алины в соседней комнате.

Под пиво обсуждали события дня. Гена побывал на открытом уроке в соседней школе, где пропала старшеклассница. Ну, та девочка с плакатов. Полиции в школе оказалось море, ищут всерьёз. И по окрестным домам ходят. Даже к нам приходили, как раз Гена дома был после уроков. Задавали странные вопросы, и даже пугали тюрьмой. У следствия есть зацепка, что школьницу видели возле нашего подъезда и, если отбросить многочисленных пенсионеров, круг подозреваемых невелик. А Гена ещё и школьным учителем работает. В общем, пришлось

бедняге доказывать, что он не верблюд. Вроде обошлось, но полицейские обещали прийти ещё. Меня это, если честно, напрягло. Диму, как мне показалось, тоже.

Ещё Гена рассказал, что это далеко не первая пропажа в этих краях. Шикарный, в общем, райончик, неудивительно, что квартиры дешёвые. Тема изрядно утомила, поэтому я попросил Диму передать ещё пива. Тот задумался о чём-то, и не услышал, поэтому банку передала Саша. Наши пальцы соприкоснулись, а взгляды встретились. Не буду врать про искру и прочую романтику, но что-то в этом контакте было такого, что осталось в памяти.

Слушая Гену, я ещё раз порадовался, что вовремя понял: преподавание – не моё. Не уверен, что можно общаться с таким количеством людей и не сойти с ума. Да ещё и под подозрением всё время, раз с детьми работаешь. Кошмар.

Саша думала о чём-то, пока её муж слушал Генку. Тот продолжал рассказывать, а я сосредоточился на пище и собственных мыслях, в которых снова оказалась сидящая рядом женщина. Интересно, думала ли она обо мне в тот момент?

Когда Алинка утащила Гену в спальню, стало ясно: пора надевать наушники. Дима тоже ушёл, а я остался помочь Саше. Мы выбросили коробки и расплющили жестяные банки, после чего отправили их в ведро к грязному картону. Я украдкой поглядывал на девушку, и наши взгляды снова встретились. Синие глаза казались полными тревоги и печали, поэтому я ободряюще улыбнулся в ответ. Мол, держись, всё будет хорошо. И она улыбнулась в ответ, чуть-чуть, уголками губ. Взгляд её потеплел.

Конечно, я ничего не сказал и не сделал. На её пальце блестело кольцо, за стеной, должно быть, уже расстилал кровать законный муж. К тому же, я ещё не оправился от прошлых отношений. Не очень легко схожусь с людьми и, как оказалось, ещё сложнее расстаюсь. Пожелав Саше спокойной ночи, я пошёл спать.

В комнате оказалось жарко как в бане, что показалось мне странным. Я открыл окно, чтобы впустить немного осеннего воздуха и потрогал радиатор. Холодный – отопление обещали включить только в конце недели. Я заглянул под кровать и под тумбочку. Проверил блок питания ноутбука. Тщательно принюхался, пытаюсь уловить запах дыма. Но нет, с квартирой всё было в порядке. Если не считать того, что Гена и Алина уже начали испытывать диван на прочность.

Я коснулся рукой стены, за которой начиналась соседняя квартира, и вот тогда-то почувствовал, насколько она теплее остальной комнаты. Да что там, она казалась почти горячей! Неужели за стеной пожар? Я мигом протрезвел от волнения. Вспомнилась история из детства, когда у соседей одноклассника случился пожар, и от жары в его комнате вспыхнули обои.

Признаюсь, я растерялся. Запаниковал и повёл себя как идиот. Зачем-то приложил ухо к стене, рассчитывая услышать гул пламени или что-то такое. Оттуда до меня донёсся спокойный женский голос. Юная девушка. Слов было не разобрать, но если у людей бушует пожар, они не разговаривают, а кричат, так ведь? Я сел на кровать и пощупал лоб. Затем взял бесконтактный термометр и померил температуру. Экранчик показал 36,5, подтверждая, что дело не во мне.

Ещё раз потрогал стену. Она была по-прежнему горячей! Тогда я схватил термометр и навёл его на стену. Шестьдесят градусов по шкале Цельсия! Дрожащей рукой я схватился за мобильник, но тут же положил его обратно. Куда звонить? В пожарную? «Доброй ночи, у меня стена в комнате горячая, что делать?». Я живо представил, что именно мне посоветуют и какие потом возникнут проблемы. Что же делать? За стеной продолжали говорить. Может быть, там оборудована оранжерея? Выращивают помидоры зимой, дерут три шкуры с рестораторов за свежак. В этом городе я встречал и более сумасшедшие способы заработать. Зачем-то померил температуру других стен, убедившись, что она в три раза ниже.

Моё внимание привлёк Васька, который сидел на кровати и таращился на стену. Это было так необычно, что я наконец понял – там происходит что-то нехорошее. Не теплица. Снова

взял телефон в руки и посмотрел время. Десять часов вечера. Поздно, но не критично. В конце концов, лучше позвонить, чем потом сожалеть всю, возможно недолгую, жизнь. И набрал хозяина своей квартиры. Грубый мужской голос в трубке отозвался на третьем гудке.

– Ну, что опять случилось?

– Василий Иванович, это ваш квартирант, Ян. С улицы Искры, – уточнил я, поскольку не знал, сколько квартир сдаёт этот немолодой, с животиком, мужчина с военной выправкой.

– Ну?

– Василий Иванович! Тут такое! Кажется, соседи горят!

Хозяин громко и, кажется, с облегчением выдохнул.

– Я уж думал... Звони пожарным. Тебе телефон подсказать, что ли?

– Да я, как бы это сказать... не уверен. Стена очень горячая, но в самой квартире разговаривают, паники нет.

– А дымом пахнет? – деловито спросил хозяин. Я признался, что нет, и тут же спросил, нет ли у него телефона соседей. Думаете, я спятил, раз выпрашивал номер вместо того, чтобы пойти к ним и всё выяснить? Но я не хотел идти к незнакомым людям поздно вечером, чтобы выяснить, что они варят винт или взрывчатку. Слово «сосед» и без того частый гость в заголовках криминальной хроники.

– Слушай, там вроде не хозяин живёт, а квартиранты какие-то. Так что я не знаю, кому тебе звонить. Но погоди, сейчас номер хозяина поищу. В записной книжке должен быть... Нет, не записан. Чёрт знает, что такое – я всегда с соседями знакомлюсь, когда квартиры покупаю. Ты давай в пожарную звони, слышишь? Вдруг газ рванёт!

Попрощавшись, я набрал «101». Но кнопку вызова так и не нажал. За стеной разливался девичий щебет, вроде бы слышался мужской голос. Слов не разобрать, но, успокаивал я себя, раз никто не паникует, значит всё в порядке? Однако посмотрев на напряжённого кота, понял, что не засну сегодня. Буду думать о пожаре, о газовых трубах, о том, что у меня загорятся обои. Нет, надо идти к соседям.

Я внимательно осмотрел себя и, удовлетворившись чистотой спортивных штанов, надел тапочки. Положил в карман электрошокер и, успокоившись от ощущения привычной тяжести, вышел в общий коридор. Там было темно и тихо, все уже спали. Я крался в темноте, хватаясь за стены рукой и стараясь не шуметь. Мы жили в перепланированной «трёшке», где от гостиной отрезали кусок, чтобы большая комната не была сквозной, и ночью можно было ходить в туалет. Общая с соседской квартирой стена здесь тоже была горячей, но не настолько. Пройдя коридор, я отпер дверь и вышел на лестничную клетку.

* * *

Переминаясь с ноги на ногу, я стоял перед соседской дверью, освещаемый одинокой тусклой лампочкой. Утеплённая ватой деревяшка с одним замком сильно отличалась от нашей бронированной и точно застала СССР. Не бережёт хозяин своих квартирантов, подумал я. Вскрыть такую – раз плюнуть. Наконец я решился и нажал кнопку звонка, однако ничего не услышал в ответ. Ненавижу, когда звонок то ли работает, то ли нет. Жмёшь кнопку и стоишь перед дверью, маленький человечек в крохотном пятне света. А вокруг чернота. И ждёшь, ждёшь. Нажал опять – безрезультатно.

Тогда я поднял руку, чтобы постучать... и опустил, почувствовав недобрый пристальный взгляд. На лестничной клетке стояла такая тишина, что изо рта вместо «откройте» вырвалось лишь неловкое хрипение. Я замер перед этой проклятой дверью, как мышь перед удавом, гипнотизируемый чернотой глазка. Свет лампы стал ещё тусклее, тени в углах сгустились. Но отступать было поздно. Чем всю ночь мерить температуру обоев, лучше разобраться с этим здесь и сейчас. Я судорожно вцепился в шокер, словно в спасательный круг. И, осмелев, всё-

таки постучал. Хрупкая тишина, сковывающая пространство, нарушилась, я громко прочистил горло для разговора.

И тут лампочка погасла, оставив меня в полной темноте.

* * *

Очувтившись во мраке, я забыл обо всём: о горячих стенах, голосах, шокере. Пулей заскочил обратно, дрожащей рукой задвигая засов и поворачивая ручки замков. В тот момент я был так счастлив, как может быть счастлив заяц, убежавший от лисы. И больше ничего меня не беспокоило.

Тогда-то я и позвонил в пожарную, с трудом попадая по сенсорным кнопкам смартфона. Диспетчер снял трубку. Я рассказал ему о горячей стене и своих подозрениях. Пожарный спросил адрес, и, услышав ответ, чертыхнулся и повесил трубку. А я замер на тёмной кухне с телефоном в руке, сгорбившись на табурете, слушая гудки и вглядываясь в темноту коридора, где по-прежнему дышала теплом соседская стена.

На шум вышел Дима. Я ведь уже упоминал, что сосед вёл себя странно? Хотя Дима и Саша подселились к нам последними, я ещё успел узнать его другим человеком, без складки на лбу и отсутствующего взгляда. Счастливым. Таким бы он и был по сей день, если бы не экономил на арендной плате и нашёл квартиру получше. Ну да что уж теперь. Той ночью я рассказал Диме о соседях и предложил потрогать стену. Но тот лишь хмыкнул и спросил, открыли мне или нет. А потом подошёл к окну, делая вид, что смотрит во двор. Затем сел на табурет, и достал игровую консоль. Но сам всё время косился в мою сторону, пока до меня не дошло, что Дима просто ждёт, когда я уйду.

Дальше сидеть на кухне было бессмысленно, поэтому я без лишних вопросов вернулся к себе, где нашёл кота на том же месте, пялящимся в стену. Несмотря на открытое окно, в комнате по-прежнему стояла жара. Что и говорить, соседская квартира справлялась с отоплением куда лучше ЖЭКа. Я сел на кровать и стал ждать пожарных, которые, как я думал, вот-вот приедут. Затем на меня навалилась ужасная слабость, и я не заметил, как провалился в глубокий сон. Проснулся уже под утро, услышав, как громко хлопнула дверь. Не наша – та самая соседская. Не думал, что смогу заснуть опять, но всё-таки провалился в чёрное забытье и кое-как дотянул до звонка будильника.

* * *

Продрав глаза, я первым делом посмотрел на Васюку. Кот спал в ногах, свернувшись клубочком. Стало ясно: что бы ни случилось минувшей ночью, сейчас оно отступило. Проверил температуру стены – она была заметно ниже вчерашней. События прошлой ночи показались страшным и странным сном.

Я плёлся по квартире словно в тумане. Почистил зубы, что-то бросил в пасть. Кофе выпил уже по дороге к метро. Видел ли кого-нибудь из соседей? Не помню. Приехав в офис, я постарался уйти с головой в работу, но пережитый страх не давал покоя. В обеденный перерыв купил лампочку в подъезд, предпочтя дешёвой «Искре» дорогую голландскую конкурентку. После этого кое-как доработал день и обречённо потащился к метро. Где и рассмотрел, наконец, эти плакаты. «Помогите найти меня». Забегая вперёд, я действительно помог. Пусть даже такой ценой.

Дома узнал от заплаканной Саши, что её муж пропал этим утром, оставив вещи, деньги и документы. Я сказал, что видел его ночью, умолчав, впрочем, о стене и соседях. Саша слушала с раскрытыми глазами: вечером она быстро заснула и понятия не имела о том, что делал Дима. Пожарные, кстати, так и не приехали.

Следующие дни были довольно однообразны. Саша искала Диму по общим знакомым, писала заявление в полицию, ездила в какое-то детективное агентство. Она не плакала, наоборот, исчезновение близкого человека мобилизовало её внутренние резервы. Я и подумать не мог, что она может быть настолько целеустремлённой. Мы тоже старались помочь, но, надо признать: большую часть времени Саша проводила наедине со своим горем. Я имею в виду, что никто не стал брать отгулы с работы, чтобы всерьёз помочь с поисками. Только утешения по вечерам, да ещё взяли по пачке объявлений и расклеили по микрорайону. А о масштабах её собственной активности можно было судить по тому, что портреты Димы появились на кабельном телевидении и в вагонах метро, потеснив несчастную школьницу.

* * *

Ленивым субботним утром в дверь позвонили. Я подумал, что это должно быть полицейский, но за дверью стояла бабуля из квартиры напротив. У Клавдии Сергеевны потёк кран, а телефон сантехника предсказуемо не отвечал. Честно говоря, я терпеть не могу работать руками, но после того как помыкаешься после развода по съёмным квартирам, замена прокладки становится обычным делом. У меня даже необходимый набор инструментов имелся. Так что я быстро управился и получил засуженную награду – сладкий чай и вафли «Артек» в хрустальной вазочке.

Квартира Клавдии Сергеевны была зеркальным отражением нашей трёхкомнатной, только ухоженная и чистая. Мне сразу бросилось в глаза обилие икон на стенах и пусть дешёвая, зато новая мебель. Бабушка явно жила не на одну пенсию. Мы разговорились, и я узнал, что несколько лет назад, когда умерла соседка, она выкупила у родственников освободившуюся квартиру №50 за какие-то смешные деньги и теперь сдаёт её квартирантам. Я удивился, разве можно дёшево купить квартиру в столице в наше время? Но бабушка рассмеялась:

– Так у них выбора не было!

И тут же предложила арендовать эту самую пятидесятую «двушку», причём за те же деньги, что я платил за комнату. Оказалось, последние квартиранты съехали несколько месяцев назад, а новые пока не нашлись. Мол, кризис, спрос на жильё упал. Это было интересно, поэтому я мигом допил чай, и мы пошли смотреть апартаменты. Выходя от Клавдии Сергеевны, я обратил внимание на её входную дверь – бронированную, с большим глазком и дорогими замками. Должно быть, так и должны выглядеть ворота осаждённой крепости.

* * *

Едва мы зашли, как я понял, что бабушка что-то не договаривает. Квартира оказалась настолько пыльной и захламлённой, что стало понятно: она пустует не меньше года, и после выезда жильцов тут никто не прибирался. На вешалке в прихожей скучала чужая шапка на меху, которую, возможно, забыл кто-то из бывших жильцов. На подоконнике лежала помада. В целом же, тут бы не помешал небольшой ремонт, но квартира была лучше и заметно больше комнатухи, которую мне сдавал Василий Иванович. Я уже настроился переезжать, но вскоре пришлось передумать.

На кухне мне бросилось в глаза, что краска, которой была выкрашена стена над газовой плитой, сильно пожелтела, а обои на противоположной стене расклеились по швам. Кухонный стол оказался покрыт глубокими царапинами, которые случайно не сделаешь. Глядя на эту разруху, я зачем-то прикинул в уме планировку этажа и понял, что за кухонной стеной начинается та самая «горячая» квартира. Наверное, что-то такое промелькнуло в моём взгляде, потому что бабушка поспешила исправить впечатление. Но лишь добила обратного результата.

– Ты не суетись, я квартиру освятила! Теперь всё в порядке. И вообще, раз Максимовна покойная всю жизнь прожила, так и тебе за пару лет ничего не сделается. А спать будешь, как ребёнок!

Я заметил, что на сон и так не жалуюсь. Бабуля странно посмотрела в ответ:

– Ты какую комнату снимаешь? Дальнюю, слева по коридору?

– Да, – я сразу понял, к чему она ведёт. – У меня тоже общая стенка с пятьдесят первой квартирой.

– И спишь нормально? Кошмары не мучают?

– Нормально сплю. Только стена недавно горячая была, как при пожаре. Я в «101» звонил, но никто не приехал...

– И не приедут. Раньше-то пожарники каждую неделю приезжали. То запах дыма кому-то померещится, то ещё что... Но всё впустую, ложная тревога. Нехорошая там квартира, Яша, совсем плохая. Пять раз горела и ещё сгорит.

– Пять?!

– Я тут всю жизнь живу, всех помню. Первым профессор религиоведения вселился. В государственном университете преподавал. Высокий, красивый. И бабник страшный – ни одной юбки не пропускал! Небось натерпелись от него студентки-то. Холостой, конечно. Книжки самиздатовские давал почитать, да и вообще... Эх, молодость! Сгорел со всеми пожитками, один пепел остался. Родственников не было, квартира государству вернулась. И понеслось: одни, другие, третьи. Я с последними жильцами уже и не знакомилась, упокой Господь их душу. Тяжело это, и ведь не верит никто, пока не столкнётся. А там уж и поздно.

Я спросил, почему она сама не переехала, на что Клавдия Сергеевна пожала плечами:

– Мы ведь не сразу поняли, что дело нечисто. Только после третьего пожара задумались. А к тому времени уже привыкли. Да и не беспокоило оно до недавнего времени. Это сейчас вечером стало страшно к двери подойти. Но куда я денусь в свои-то годы? Доживу как-нибудь. Дверь поставила, иконы. Хорошо бы внутрь пятьдесят первой попасть с попом, но кто нам откроет?

– Разве там никто не живёт?

– Год как пустая стоит. Как последний раз пожар случился, так ничейная и осталась. Был ещё потом случай – жилец из вашей «трёшки» с ума сошёл и в эту чёртову квартиру хотел соседку сверху затащить. Видать прознал, что там нет никого, вот и... Ловили его всей парадной, совсем с катушек съехал. А у меня тут, – она хлопнула по кухонной стене, – ещё никто с ума не сошёл!

В ту же секунду с той стороны кто-то с силой стукнул в ответ. Мы замерли, вслушиваясь в тревожную тишину. И через несколько ударов сердца, когда слух приспособился к тяжёлому давящему молчанию, я услышал, как тихонько звенят столовые приборы в кухонном ящике. Сам ящик еле заметно качнулся. Затем ещё раз. Клавдия Сергеевна побледнела и вышла из кухни. Уже в прихожей, пока она возилась с замком, я дрожащим шёпотом рассказал о голосах за стеной. Это расстроило её ещё сильнее.

Я решил, что съеду отсюда куда-нибудь подальше и как можно скорее. Плевать на деньги! От того, чтобы немедленно не собрать сумки, меня остановило только желание узнать, чем кончится история с Димой. Я был уверен, что он загулял на стороне с кем-то, кого высматривал в окно, и скоро зайвится домой. Мириться, или, наоборот, за вещами. Как знать, может, я смогу позвать Сашу с собой? Это была новая и даже немного пугающая мысль. Но сердце от неё забилось быстрее.

* * *

Мы вышли на лестничную клетку, где встретили полицейского. Кажется, это был тот самый тип, который напугал Гену, когда приходил по делу школьницы. В этот раз легавый искал Диму. Разговор с ним не сложился. Бывает так, что люди не нравятся друг другу с первого взгляда. И что бы ни случилось потом, первое впечатление не перешибёшь. Даже сейчас я вспоминаю с неприязнью этого молодого, но уже начавшего полнеть мужчину с презрительными складками у рта и маленькими цепкими глазками.

На меня посыпались странные и неприятные вопросы. Где был вечером, что делал. Когда видел Диму. Почему волнуюсь. Нравятся ли мне школьницы и почему не смотрю в глаза при разговоре. Не педофил ли я. Занимал ли у Димы денег и тому подобное. В общем, если вам интересно, как у нас раскрывают преступления, вот так и раскрывают. Стоит увязнуть, ответить невпопад, и тебе конец. Уверен, я был не единственным, кого прессовали в те дни. Надави на одного, второго, третьего – кто-нибудь даст слабину, и ты повесишь на него всех собак.

Меня выручила Клавдия Сергеевна. Когда я рассказал о горячих стенах в подозрительной квартире, бабуля недоверчиво хмыкнула. Когда я сказал, что там, должно быть, кто-то живёт, она со значением покачала головой. И тогда в голове оперативника что-то щёлкнуло в совершенно ином направлении.

– А кто там? – спросил он у соседки.

– Никого. Квартира сгорела год назад с хозяевами.

– Совсем никого?

– Совсем, товарищ милиционер. Наследников нет, пустая стоит.

– Мы теперь полиция, – машинально поправил опер, после чего преобразился, словно взявшая след собака. – То есть, в этой квартире никто не живёт, и она никому не принадлежит? Ничейная квартира?

В его голосе появились алчные мурлыкающие нотки. Не дожидаясь ответа, он нажал кнопку звонка. Ничего не произошло. Тогда полицейский постучал так громко, что ветхая дверь чуть не слетела с петель. От этой наглости меня бросило в пот и стало трудно дышать. Слава Богу, нам никто не открыл.

– Так. А вы утверждаете, – впервые оперативник обратился ко мне вежливо, – что слышали голоса за стеной?

Я подтвердил, и опер позвонил в нашу дверь. Открыла Саша, которая заметно осунулась за эти дни.

– Мы считаем, что ваш муж заходил к соседям, а может и сейчас там, – он кивнул на обшарпанную дверь.

Саша нахмурилась:

– Там же нет никого. Сколько стучала, ни разу не открыли.

– Будьте завтра дома. Часов в двенадцать приедет следственная группа, будет обыск. Нам нужны понятия и кто-то, кто знает вашего мужа. Ян, вы будете дома?

В тот момент я хотел забиться в какую-нибудь щель и исчезнуть. Но Саша так посмотрела на меня... Честно говоря, в тот момент я уже ни на что не рассчитывал. Когда женщина после пропажи мужа выглядит так, понимаешь, что под всеми их странностями и размолвками всё-таки что-то было. И ты на фоне этого «чего-то» совершенно чужой, несмотря ни на какие взгляды и улыбки. Но мне показалось правильным просто быть с ней в такой день.

Я, конечно, боялся до чёртиков, но успокаивал себя тем, что это будет днём и, наверняка, недолго. А может до завтра и Дима объявится – если в самом деле загулял.

Ещё я пытался разузнать у нашего старожила Гену о сумасшедшем парне. Но тот сказал, что вселился уже после и не знает подробностей. Но что меня встревожило – после того случая с помешавшимся из квартиры съехали вообще все жильцы.

* * *

Ночью приснилось, как я и Дима парились в бане. Натоплено сильно, пот градом. Димон рассказывал о новой подруге. Сиськи и всё прочее, о чём болтают в таких случаях. Мы голые, только у Димы на шее висел тонкий кожаный ошейник, как у собаки. И чем дольше я смотрел на этот ошейник, тем тревожнее мне становилось. В конце концов я вышел из парилки, оставив Диму там одного.

Сон на этом не кончился. Возле купели я встретил странного бородатого мужика, крупного, но с интеллигентным лицом. Он был одет в костюм-тройку, а над воротником рубашки я рассмотрел такой же ошейник. Этот странный мужчина собирал на полу какую-то мебель, сверяясь с нарисованной от руки схемой. Я нутром почувствовал, что в чертежах ошибка, да и собирает он неправильно, это не мебель должна быть, а что-то другое. И в результате получится крайне опасная ерунда. Хотел предупредить незнакомца, но не смог выдать из себя ни слова.

Тогда я пошёл назад в парилку, однако попасть внутрь тоже не смог. Знаете, как бывает, когда ноги во сне отнимаются и каждый шаг даётся с невероятным трудом? Я тянул на себя дверь изо всех сил, но она не поддавалась. Я чувствовал, там, в парилке, был кто-то ещё кроме Димы. Или что-то. Из приоткрывшейся щели валил жар, как из печи. Дышать становилось всё труднее, будто невидимая удавка сдавила шею в смертельных объятиях. Не знаю, что было бы со мной, если бы ногу не пронзила резкая боль, от которой я проснулся.

Это Васька полоснул меня когтями. И я был настолько счастлив, что вырвался из этого кошмара, что потрепал блохастого по умной башке. Славный котик. За окном светало, стена почти остыла, но и без градусника было ясно, что ночью там снова случилось что-то плохое и очень горячее.

* * *

Дима не объявился, поэтому утро прошло в томительном ожидании и попытках избежать участия в обыске. Но Саша хотела помочь следствию, а я не мог отпустить её одну. Ещё и Гена уехал на учительское собрание, посвящённое грядущим выборам, и прихватил с собою жену. Так и не сложилось у меня с отговорками.

Следственная группа приехала не к полудню, а в два часа дня. И состояла уже из двух человек: вчерашнего опера и следователя, который был значительно старше коллеги. Тоже грузен, но отличался от молодого, как танк от бульдозера. Хищный, с цепкими умными глазами и мягкой походкой. Поздоровавшись, он показал судебное предписание и постучал в дверь квартиры №51. Разумеется, никто не открыл. Тогда следователь присел и осмотрел замок.

– Дрянь, – презрительно бросил он, поковыряв ногтем. – Покурим и вскроем.

– Валентин Григорьевич, пожалуйста, давайте сначала откроем, а потом покурим, – взмолился молодой. – Вы после обыска домой поедете, а мне ещё бумаги оформлять. Петрович-то просит поторопиться с квартиркой.

Валентин скривился и вытащил из кармана связку отмычек. Дверь уступила, открыв нам типичную прихожую «хрущёвки». Даже не скажешь, что тут недавно был пожар: мебель стояла целая, только очень ветхая и пыльная.

Мы вошли. Первым вломился важный молодой опер и принялся по-хозяйски осматриваться. Вторым скользнул его старший коллега, и я с удивлением заметил у него в руке пистолет. Только когда следователь убедился, что квартира действительно пуста, то убрал оружие и надел перчатки. Последним в квартиру зашёл я, оставив входную дверь открытой. Так мне было спокойнее.

– Пожалуйста, сами ничего не трогайте. Если увидите знакомые вещи, просто скажите.

Вещей вокруг действительно было много. Старинная вешалка, бобинный магнитофон, дисковый телефон на журнальном столике. И книги, книги, книги.

– Лёлик, – позвал напарника следователь, – это точно та квартира? Она не горела. Даже не пахнет.

– Я по документам проверил, точно она. Хозяева умерли. Представляете, Валентин Григорьевич? Ничейная «двушка» в столице! Как только ЖЭК пропустил?

– Я не про это, Лёлик, я... – тут следователь осёкся, заметив на журнальном столике телефон. Розовый дешёвый мобильничек. Со стразами. Мужчина такое в руки по доброй воле не возьмёт. А вот женщина, особенно девочка...

– Вот что, Лёлик, подождёт твой Петрович, и квартира эта подождёт. На экспертизу поедем, – мужчина достал из кармана платок и промокнул вспотевший лоб. Тут в самом деле было хорошо натоплено и нечем дышать. Мне ужасно хотелось открыть окно, но я не решился отойти от полицейских.

– Валентин Григорьевич, – взмолился опер, – ну мало ли телефонов на свете, вдруг он не её вовсе! Может всё-таки по-быстрому закончим? Мы же ничего не планировали здесь находить!

Нас он, похоже, вообще не стеснялся. Но старшего боялся и сник под тяжёлым взглядом.

Осмотрели кухню, ванную, туалет. Везде пыль, в некоторых местах паутина висела в воздухе так густо, словно это и был сам воздух. Кухонная утварь и старая советская мебель поражали разнообразием, словно их собирали разные люди, или кто-то разом притащил всё это богатство с помойки. Кругом валялись самые разные предметы, в основном музейные древности. Хотя, к примеру, попался и новенький перфоратор. Несколько раз я ловил на себе чей-то внимательный взгляд, но, обернувшись, никого не замечал. Полицейские делали свою работу, и Саша смотрела, в основном, на них.

В спальне на стенах висели фотографии. Некоторые выцвели до контуров, другие были ещё различимы. Лучшее всех сохранился мужчина с богатырским разлётом плеч, зачёсанными назад волосами и строгим взглядом. Он оказался похож на незнакомца из сна, и я тут же пожалел, что не взял с собой шокер, постеснявшись полицейских. Мне показалось, что и моя соседка тоже нахмурилась, увидев эту фотографию, но я постеснялся спрашивать. К тому же мне не хотелось, чтобы полицейские лишним раз обращали на меня внимание, особенно молодой. В итоге, в спальне не нашли ничего, что напомнило бы о Диме, хотя мрачнейший с каждой минутой Валентин Григорьевич положил ещё несколько вещей в пакеты. Лёлик насупился. А Саша просто ходила за ними как тень. Руки скрещены на груди, голова опущена. Она честно отбывала повинность, изучая всё, что попадалось на глаза. Но ничего не находила, и вспыхнувшая надежда таяла в ней с каждой минутой.

Наконец мы добрались до гостиной, которая оказалась самой странной из комнат. Обои тут были наклеены вразнобой, будто рулоны набирали из остатков, и каждого вида хватило только на одну стену. Мебели не было вообще. Только возле выхода на балкон стояло нечто странное, грубо сколоченное из досок. Никогда такого не видел: похожее по форме на комод, но без выдвижных ящиков. Эта нелепая коробка на кривых ножках снова напомнила об утреннем кошмаре. Сверху на ней стояли свечи и лежали фотографии незнакомых людей.

Пол покрывал толстый ворсистый ковёр пепельно-серого цвета. На нём мы обнаружили уйму мелких предметов. Ложечки, вилки, сломанные игрушки и тому подобное. Там же нашли игровую приставку Димы, от вида которой Саша заплакала. Следователь бросил гаджет в пакет и с тоской упрекнул опера:

– Козлы вы, Лёлик, со своим Петровичем. На что меня подписали? Нас тут убьют.

– Как убьют? – опешил молодой оперативник.

– Спиной чувствую, – Валентин снова достал пистолет. – Я в органах проработал столько, сколько ты на свете живёшь. Четыре раза в меня стреляли, сегодня пятый будет. А ты ещё и без ствола, что ли, болван?

Пока следователь успокаивал плачущую Сашу, мы с Лёликом вышли в прихожую, где полицейский попробовал позвонить по городскому телефону. Тот, конечно же, не работал. Тогда Лёлик жестом указал подождать, а сам прошёл в спальню, плотно закрыв за собой дверь. Это было не по правилам обыска, но я промолчал, так как хотел, чтобы всё скорее закончилось.

Сашка плакала, за дверью виновато бубнил по мобильному опер, а я изучал корешки книг, лежащие на журнальном столике. Я не всё помню, но там точно были учебники религии и, кажется, оккультизма. И много толстых пожелтевших от времени тетрадей, исписанных от руки. На тетрадных листах я увидел странные и неприятные наброски обнажённых мужчин и женщин, пляшущих вокруг какого-то сооружения. Не могу объяснить, что было не так в выражениях лиц и позах этих людей, но меня до сих пор бросает в дрожь от воспоминаний об этих рисунках. Неужели это осталось ещё от преподавателя, сгоревшего в квартире? Но как оно могло пережить все эти пожары? Не знаю. Там же я увидел наброски чего-то смутно знакомого. Вроде бы что-то такое мастерил странный мужик из сна. Если присмотреться, в уродливой деревянной коробке из гостиной тоже угадывались схожие черты. К сожалению, время уходило, и я не успел тогда обдумать всё это и сделать выводы. Я вообще ничего не успел, потому что в этот самый момент в гостиной удивлённо вскрикнула Саша:

– Смотрите! Димка у них на этом комодe! Вон же, фотография наверху! Да что же тут происходит?!

– Ради Бога, не трогайте ничего! – заорал следователь.

В этот момент мебель вокруг меня с шипением превратилась в головешки, обои на стенах почернели, а в воздух взметнулось серое облако. Это пепел, понял я. Пепел! В лицо дохнуло жаром – пожар! В спальне истошно закричал Лёлик, в гостиной громыхнул пистолет. Вокруг ничего не было видно, а от выстрела заложило в ушах, поэтому я вслепую метнулся влево, зацепив и повалив вешалку. В воздухе пахло дымом, и хотя я не видел пламени, но чувствовал его тепло. Случайно наткнулся на гладкую дверь с тонкой железной ручкой, которая ожгла пальцы. Туалет, вспомнил я и посмотрел налево: сквозь дым виднелся дрожащий прямоугольник дверного проёма. Но только я рванулся навстречу спасению, как слух вернулся, и я услышал крик Саши.

В такие моменты некогда думать, ты просто заглядываешь в себя и видишь решение. Многие бы убежали. Я вернулся. Бросился в серую круговерть, чтобы вытащить Сашу. Коридорчик, ведущий от прихожей в гостиную, можно было пройти за несколько секунд, но я брёл в гостиную, наверное, не меньше минуты. Невесть откуда взявшийся горячий ветер задувал золу прямо в глаза, дым лез в глотку, мешая дышать. И всё время звучали человеческие голоса. Дима. Девушка, чей голос я слышал через стену – может, это и была та школьница? Не знаю. И другие. Их невозможно было понять: только отдельные слова, слоги, вскрики, всхлипы. Интонации. Громче всех звучал хорошо поставленный бас, из него можно было разобрать довольно много: коммунизм, религия, суеверия, суккуб, жертва, субботник, партия...

Хуже всего оказалось в гостиной. Огня здесь тоже не было, но обжигающий ветер дул всё сильнее, сбивая с ног. Танцующий пепел запорошил глаза, из-за громогласно звучащих голосов я не слышал даже себя. Найти Сашу или хотя бы дорогу назад уже не выходило. Под ногами при каждом шаге что-то хрустело и, пригнувшись, я увидел, что хожу по обугленным человеческим костям. Это и спасло мне жизнь: там же на полу я нашёл пистолет следователя и схватил его обеими руками. Голоса вокруг стали злее, среди них слышались рычание и стоны. Они казались ближе. Я снова услышал Диму, но теперь его голос был полон злобного торжества и... предвкушения?

Вокруг не было видно ни зги, и жарко, как в духовке с конвекцией. Я мог рассмотреть хоть что-нибудь, только глядя на окна, откуда ещё струился едва различимый солнечный свет. Частички гари, танцующие в мутных солнечных лучах, складывались в подобие кошмарных фигур и снова распадались. Иногда мне казалось, что там, возле балкона, движется нечто неестественно высокое и худое, но в следующую секунду я снова видел лишь пепел, сплошной завесой застилавший глаза.

А самым страшным было даже не ощущение абсолютной беззащитности, а то, как гипнотизировали эти голоса. Сквозь вой и белиберду я начал слышать другие, сладострастные нотки. Я почувствовал, как странное возбуждение охватило меня, лишая воли и наполняя предвкушением чего-то грязного, но, вместе с тем, и желанного. Должно быть, я уже стоял на краю гибели, когда преодолел душный морок, поднял дрожащими руками тяжёлый пистолет и нажал спусковой крючок. Отдача опрокинула меня на пол, где острые обломки костей впились в тело. Но я продолжил палить наугад в сторону балкона и вышиб все стёкла в комнате. Одна из пуль с жалобным звоном отрикошетила от радиатора куда-то в мою сторону, но, видимо, тот день действительно был для меня счастливым. Кусок свинца пролетел мимо.

Наконец балконная дверь разлетелась на тысячи осколков, впустив в квартиру настоящий осенний ветер. Вот тогда весь этот поганый пепел, всю эту дрянь выдуло сквозняком к чёртовой матери. И всё закончилось, оставив меня, забившуюся в угол Александру и лежащего на полу Валентина в покое.

Гостиная переменилась. По углам появились обугленные остовы шкафов и дивана, обои исчезли, оставив закопченные стены. А странная деревянная коробка, теперь пробитая пулями в двух местах, прямо на моих глазах растворилась в воздухе, оставив под собой кусок нетронутого пламенем паркета. Исчез ковёр, и на полу остался только пепел. А вот костей действительно было полно. Но меня это уже не беспокоило. Я подполз к Саше, обнял её, и так мы и просидели до прибытия ОМОНа, который вызвали перепуганные стрельбой соседи.

* * *

Теперь расскажу о своём личном сорте хэппи-энда. Бедняга Лёлик заживо сгорел в спальне. Не знаю сколько всего было найдено останков в квартире, но все, кого опознали, пропали в этом районе в последние годы. Дима и несчастная девочка тоже оказались там, среди останков. А телефон школьницы, сохранившийся в кармане у следователя, показал, что перед исчезновением она переписывалась с Димой. Когда я узнал об этом, сразу вспомнил разговор с Клавдией Сергеевной о снах и безумце. Видимо есть в этой квартире что-то такое, что сносит людям крышу. Особенно молодым мужчинам. И если тот незнакомого псих не сделал задуманного, у Димы, к сожалению, всё получилось. Не думаю, впрочем, что это принесло ему счастье. В конце-концов он стал точно таким же голосом с того света, как и его жертва. Но и выбора у него не было. Слишком хорошо я помню, как манили голоса в этой проклятой квартире, чтобы питать иллюзии на этот счёт.

И, конечно, сейчас я пересмотрел своё отношение к погибшему Лёлику. Не до конца, но... Но всё-таки не даром он вился вокруг нашей квартиры. Даром что молодой и явно коррумпированный по самую макушку, а чутьё всё-таки работало как надо. Надеюсь, на том свете ему это зачтётся – после того, как заглянул одним глазком в ад, очень хочется верить, что где-то существует и рай.

К сожалению, для меня эта история до сих пор не закончилась. Меня, Сашу и следователя увезли в больницу, откуда я очень быстро переехал в СИЗО, где и нахожусь по сей день. Пистолет сыграл со мной злую шутку: одна из пуль ранила Валентина Григорьевича, так что мне пришили покушение на полицейского и поспешили доложить об этом начальству. Объяснения самого пострадавшего наверняка бы исправили ситуацию, но бедняга кроме пустячного

ранения заработал ещё и серьёзное нервное расстройство. Поэтому к его словам отнеслись скептически, но, на всякий случай, перестали бить меня на допросах.

А вот поучительная история о фантастическом упорстве в достижении цели. Некий Петрович, оказавшийся начальником нашего ОВД майором Петровым, не отступил и всё-таки оформил проклятую «хрущёвку» на себя. Затеял капитальный ремонт, и вскоре с ним в этой квартире случилась какая-то жуть. Я слышал, теперь он на пенсии, лечит внезапно пошатнувшееся здоровье.

Сейчас со мной обращаются хорошо. Я много читаю, отдыхаю. Сокамерники относятся с пониманием. На допросы давно не вызывают: всем и так всё ясно, насколько это вообще возможно в такой ситуации. Дело бы давно развалилось, если бы не шумиха, которая поднялась в первые дни. Есть раненный следователь, есть мои отпечатки на пистолете. Высокому начальству и прессе не объяснишь, почему меня нужно отпустить. Но в то же время в дело подшиты экспертизы пожарников и криминалистов, которые, как мне шепнули, лучше вообще никому не показывать.

Никто не знает, что делать со мной. Надеюсь, промаринуют немного и, когда дело забудется, тихонько выпустят. Всё-таки, я спас Валентина Григорьевича, а он у них местная легенда. Но может получиться иначе. Я и раньше читал о том, что в СИЗО подозрительно часто умирают люди. А теперь, пожив здесь почти год, знаю, как это бывает. В один прекрасный день меня вызовут на допрос, где мне станет плохо, и в свидетельстве о смерти запишут «инфаркт», даже не осматривая тело. Здешние сотрудники смахнут пот со лба и сдадут дело в архив. А, может, я и в самом деле задохнусь во время очередного кошмара.

Но я всё равно счастлив. Впереди неизвестность, кошмары всё ещё терзают меня по ночам, но есть в моей жизни то, что заставляет сердце биться быстрее. Сашка. Она надолго пропала после больницы, но два месяца назад пришла проведать меня. И продолжает приходить. Мы много разговариваем: ей очень тяжело. Сны, воспоминания, мысли о которых никому нельзя рассказать. Ещё оказалось, что она любит читать и часто приносит книжки с потрёпанными корешками.

Если спросить меня, как выглядит надежда, я отвечу: у неё усталые глаза, сияющие глубокой, словно море, синевой. Чуть вздёрнутый нос. Нежная, бледная кожа. Золотые волосы. И когда я ловлю её улыбку, то понимаю, что всё было не зря. Что в мире есть вещи сильнее огня и пепла.

И только ради них и стоит жить

Гибельные вещи

Виктор Никитин

В конце девятнадцатого века город словно открыли заново, превратив рыбацкое поселение в курорт. Прежнее его название трогать не стали, просто перевели на русский. В такой преемственности не нарушилось течение времен, и в городке все дышало давними обычаями и стариной.

Летний сезон в этом году не задался. Две недели солнца и безветрия в мае, неделя спокойного моря в июне, все остальное время Золотой берег поливали непривычно буйные ливни, а небо с редкими прояснениями закрывала тяжелая облачность. По таким подлостям со стороны природы принято лупить наотмашь избитым штампом: даже старожилы, мол, не помнят ничего подобного.

Туристов было катастрофически мало, от чего курортное местечко сильно страдало, возлагая трепетные надежды на бархатный сезон. Будто кто—то верил, что туристов нарочно удерживали, поймав в сеть, и вот в сентябре она не выдержит напора, лопнет, освободив изголодавшийся до моря народ.

Леша Горин, по прозвищу Глазастый, пребывал в приятном оцепенении. Сидя на берегу, он любовался тем, как на желтый песок накатывали неспешные волны, рисовали что—то замысловатое, а следующие за ними выписывали новые узоры поверх старых. Наблюдать за этими бесконечными переменами Глазастому нравилось, однако он встрепенулся, нарочно выводя себя из состояния блаженного покоя и напоминая, что все, чем он любит, бездушно и неразумно, а безмятежно лишь потому, что мертво.

Леша напомнил себе, что и в этом нет счастья, и стоит ему уйти с пляжа, как он вновь погрузится в скучную и бестолковую суету. В свои тринадцать Глазастый отлично знал, что счастья нет. Никогда не было. А что было? Только глупая и наивная вера, пустопорожняя дурь и нелепые выдумки.

Как и многие, он тоже раньше верил в опасное вранье про счастье, даже ждал с замиранием сердца, пока сама жизнь не макнула его в дерьмо, дав понюхать и попробовать на вкус сокровенные тайны бытия. И Леша раз и навсегда разочаровался в ожиданиях. Тогда он смотрел на мир двумя глазами, большущими темно—синими глазами ребенка. Сейчас в левом прочно обосновалось уныние ветхого деда, а правый глаз Леше Горину удалили еще в прошлой жизни.

– Мы идем в поход, сыночек, – однажды сказала мама.

– В поход?! – изумился мальчик, не поверив собственным ушам, вскочил с кровати и стал носиться по дому с оглушительными криками: – В поход! Ура—а! Мы идем в поход!

Он задевал бутылки, валявшиеся на полу тут и там, но не обращал на это никакого внимания – привычная ведь картина. Водка, вино, пиво. У родителей Леша сами напитки никогда не задерживались, а пустая тара прописывалась в грязной и изрядно захламленной квартирке едва ли не навсегда.

Незадолго до того какой—то сверстник во дворе описывал Леше свой выезд на природу вместе с родителями: костер, дети и взрослые на равных, игры, море, солнце и вкусный шашлык в веселой компании. Лешка мечтал о подобном же, о смехе и веселье, о счастье. Как—то легко поверил, что его мама и папа наконец одумались, вспомнили о нем.

Поход на самом деле оказался попойкой на природе. В точности такие же случались и раньше, просто мальчишка в силу возраста их не особо помнил.

– Иди сюда! – хрипло орал отец, гоняя мать по кустам на виду у гоготающих и подначивавших собутельников.

– Отстань! – верещала мать не своим голосом, голосом страшной ведьмы. – Он сам ко мне лез!

Семейства дружных, любящих друг друга людей, обосновавшиеся на пляже по соседству, отводили глаза и перебирались на другие места, только бы не видеть и не слышать. Леше никто не пришел на помощь, когда он кинулся разнимать родителей и напоролся глазом на сухую ветку. Он кричал от боли и еще громче от страха, однако до его беды никому не было дела, даже родителям.

Тетка рассказывала Леше, что глаз хоть и воспалился, его еще можно было спасти, если бы вовремя обратились в больницу. Родители же занимались собой и выпивкой, мирились, вновь ссорились, дрались, злились на плачущего сына и наказывали его за «капризы». А потом лечить было слишком поздно.

Нахлынувшие воспоминания выжимали слезы похлеще яркого солнца, от них давило в груди, сбивая дыхание, и Леша был рад, когда его вернул в реальность подзатыльник Плиты, сидевшего рядом. Главарь банды подростков отхлебнул из банки пиво, кивнул в сторону:

– Видишь мужика?

– Он же Глазастый. Ему надо вплотную подойти, чтоб увидеть, – заржал Мопс.

Плита цыкнул, и Мопс, замаявшись, предпочел не развивать тему, казавшуюся ему невероятно смешной. Он продолжил тискать свою девчонку, из—за фамилии Бочкарева прозванную Бочкой. Та игриво пыталась изображать похоть и постанывала. Впрочем, у нее выходили отнюдь не киношные стоны, а поскуливание щенка, которого в конец заели блохи.

– Вижу, – ответил Глазастый. – И чё с ним?

– Смотри к нему, пощупай лопатник, – велел Плита.

– Опасно, – ответил Леша. – Он же сразу просечет, кто и где ему по карманам прошелся.

– Ты чё такое начал? – вмешался Моряк, не столько обеспокоенный попытками перечить Плите, сколько расстроенный тем, что допил свое пиво, а денег на новое не ожидалось.

– Плита, стремно так делать, – обратился к последней инстанции Леша. – Спалюсь.

Все знали, что будет так, как решит Плита, и потому замерли в ожидании ответа. Главарь банды посмотрел на Лешу долгим неприятным взглядом, полным презрения, и смачно харкнул через голову Глазастого.

– Ты тупой? – спросил Плита, раздувая ноздри. – Если тупой, то повторю помедленнее. Про—о—осто пошу—у-упай. Если есть что брать, то мы с пацанами отработаем как обычно.

– Давай, живо, – поддакнул Моряк, больно хлопнув Лешу по спине.

Глазастый нехотя поднялся и отхватил пинок от Гриши под одобрительные смешки Плиты и его подруги Ланы.

Банда издалека не заметила, что шедший по пляжу мужчина был каждому более—менее знаком. Теперь и не заметит, поскольку сразу после ухода Глазастого компания спряталась, чтобы лишней раз не отсвечивать. Навстречу Леше в распахнутом пальто степенно шагал, поглядывая в сторону моря, старик. Он подставлял лицо прохладному ветру, тревожившему его густую шевелюру, совершенно белую, будто молоко утреннего тумана.

Старик жил уединенно, ни с кем не водил знакомств и все, что о нем было известно в городке, строилось исключительно на догадках. Приезжий. Пенсионер. Наверное, когда—то деньги у него водились, но сейчас он в них ограничен, если купил разваливавшийся особняк и толком не смог его отремонтировать. Его видели с мольбертом? Значит, художник, хотя никто из местных жителей не интересовался картинами старика.

Побледневший мальчишка хотел отказаться от задумки, не понравившейся ему с самого начала, но, коротко обсудив с собой возможные последствия, стиснул зубы и пошел к художнику. Плита поблизости. Спрятался, конечно, но наблюдает, ждет результата. Стоит Глазастому отступить, и не жди от Плиты ничего хорошего.

Леша славился своими шустрыми руками и чувствительными пальчиками. Мастерство карманника, столь сложное умение, не открывалось даже, а как—то пришло, само заявило, словно подстраивая мальчишку под себя. Когда до цели оставалось метров двадцать—тридцать, Глазастый упер взгляд в песок и, сорвавшись с места, побежал, налетел на старика и быстро, со знанием дела ощупал карманы пальто. Портмоне он почувствовал сразу, и еле сдержался, чтобы не выбить его в ладонь привычным легким движением.

– Мальчик, ты что, не видишь куда несешься? – укорил художник и охнул, увидев пустую глазницу Леша.

Но и мелкий карманник растерялся, да так, что шагу не мог сделать, оторопело держался за края пальто и смотрел в светлое лицо старика, не находя в нем ничего действительно светлого. Сердце Глазастого сжалось от жути, колени подкосились, и внутри художника он безошибочно разглядел бездну мрака. Ту, что мерещится в пустом колодце, где обитает черная, сжавшаяся до поры до времени гигантская змея, имеющая возможность выбраться на поверхность в любую секунду, просто ожидающая подходящего случая и подходящей жертвы.

Пока Леша Горин мчался по серпантину лестницы, ведущей на набережную, ужас играл на его нервах, будто на струнах, цепляя их кривыми желтыми когтями вместе с мясом и грозя вскоре порвать. Еще приходя в себя, мальчишка торопился предупредить банду, но не успел. Может, и к лучшему, ведь что он мог сказать? А если бы поделился, не увиденным даже, а только почудившимся, то без сомнения подвергся бы насмешкам, издевкам и тычкам больше обычного. Последнее дело подростков не выгорело, и теперь каждый только тем и занимался, что искал, на ком бы сорвать злость.

Да, за Глазастым следили, и, видимо, Плита что—то угадал по реакции карманника, нашарившего в пальто художника ценное. Двое быстро догнали старика со спины. Подсечкой Плита опрокинул пожилого мужчину, и пока тот падал на землю, Моряк, не обремененный интеллектом обладатель увесистых кулаков, коронным ударом вырубил художника. Тут же оба бросились бежать, пряча лица и ни на что не отвлекаясь. Сейчас в работу должен был включиться Гриша.

Удостоверившись, что пострадавшему никто не спешит оказать помощь, к пожилому человеку вразвалочку подошел худой прыщавый парень. Он присел рядом, словно справляясь о самочувствии, и между делом вынул толстое портмоне из кармана стариковского пальто. Предварительно осмотревшись по сторонам, Гриша встал и неспешно удалился.

Неделю назад подфартило. Глубокой ночью да в безлюдном переулке банда повстречала двоих приезжих, набравшихся в местных барах до такой степени, что между собой пьянчуги общались бессмысленными наборами согласных. Ночь, никаких свидетелей, и вряд ли туристы хоть что—то из случившегося с ними вспомнят в дальнейшем. Потому беспризорники действовали решительно и вполне открыто, отказавшись от привычной схемы.

С туристов взяли кучу банковских карт и шесть тысяч с мелочью живыми деньгами. Разобраться с кредитками самостоятельно не получилось, и несколько банкомат вообще проглотил. Вот тогда рядом с подростками и возник говорливый Самсон. Никто не помнил, откуда он явился, точнее, никто не хотел напоминать остальным, что кучерявого мошенника Самсона привел в компанию сам Плита, доверившись ему, словно давнему и хорошему знакомому.

Тот наобещал все, что от него ждали, и от щедрот добавил прямо—таки фантастическое. Он трещал без умолку, рассказывая о своих связях в банках, в среде хакеров и в правоохранительных органах, забрал кредитки, намереваясь срочно сделать электронные переводы и обналичить деньги. Шесть тысяч он у Плиты тоже забрал, дескать, знающие и умеющие люди в долг не работают. Встреча с Самсоном должна была состояться через день. Не стоит и говорить, что банда более не видела мошенника и не имела ни малейшего представления, где того следует искать.

Леша Горин добрался до ротонды в углу парка последним, и Плита встретил его, гневно швырнув точно в лицо пухлое портмоне старика. Из кармашков с шелестом вылетели блокнотные листки: ровные и вырванные наспех, сложенные пополам и вчетверо. Глазастый без слов понял, что денег в лопатнике художника не оказалось. Вообще.

– Я же не рентген, – Леша испуганно взглянул на Плиту. – Откуда бы я знал, что там внутри?

Плита свирепо скалился и бил Глазастого. Бил аккуратно, чтобы не увечить, не оставлять на лице четких следов. Сидя сверху, не позволяя подняться и пошевелиться, он хлестал его по щекам тыльной стороной ладони, страшно сдавливал коленями ребра. Плита вымещал накопившийся в нем гнев за прежние неудачи. Крутившийся рядом Мопс давал советы, чем немало распялял главаря. В какой—то мере Глазастому повезло, поскольку Гриша и Бочка удерживали туповатого Моряка, не видевшего различий между избиением и поучениями. Наверняка тот мог с одного удара отправить Лешу на тот свет.

Наконец Плита остыл, гнев схлынул, поток ругательств сошел на нет. Он всегда отходил постепенно, но на этот раз что—то было не так. Плита явно над чем—то крепко призадумался. Не слезая с Глазастого, он потянулся за ближайшим блокнотным листком, пробежал взглядом по тексту и прочел:

– Пепельница бронзовая «Медведь», 1938 год, Нюрнберг, Германия. Тысяча евро, торг. Настоящей цены, истории и особенностей предмета владелец не знает, – подхватив еще парочку бумажек, Плита продолжил: – Перьевая ручка, принадлежала писателю К. Год изготовления неизвестен, Ильинское, Ивановская область. Цена не определена. Владелец об особенностях предмета догадывается. Картина—медальон «Жена негоцианта», Рига. Автор не известен. Ориентировочно вторая половина восемнадцатого века. Владелец знает историю предмета, но не знает настоящей цены и особенностей.

Когда Плита замолчал, напряженно размышляя, Мопс авторитетно заявил:

– Тупая херня какая—то.

– Тупая херня – это ты, Мопс, – хмуро рыкнул Плита и приказал: – Соберите все бумажки, пока не разлетелись.

Лана заинтересованно подскочила к Плите, приобняла приятеля:

– Коля, чего?

Он отодвинул ее от себя, словно своим присутствием девушка мешала ему, и принялся рассуждать вслух, ни к кому пока не обращаясь:

– Какой—то, мать его, дедан, а такие интересы?! Его считают чокнутым художником, потому что кто—то сболтнул, и понеслась. А на самом деле о нем ничего не известно, потому что нахер он никому не упал. Кто он? Так, пенсионер. Никто и не парился ни разу, на что дед живет, на что особняк свой содержит. А тут вон чё получается. Он у нас нехилый такой коллекционер. Антиквариатом занимается. Собирает его да еще и за такое бабло. Тысяча евроков за бронзовую хренотень. И если он этой долбаной пепельницей интересуется, значит, деньги есть, ну, или что—то ценное на обмен. Офигеть, тысяча евроков! – на лице Плиты нарисовалась некрасивая щербатая улыбка. – Так, короче. Похозяйничаем в доме художника. Гриша, ты рви когти, живо найди деда и проконтролируй. Если он будет возвращаться домой, то успевай нас предупредить. Всем все понятно?

Напротив особняка, в котором жил и работал престарелый художник, серой шеренгой выстроилась банда Плиты. Фигуры на фоне густого кустарника угадывались скверно, к тому же подростки прятались в тени деревьев. Сколько раз вместе и порознь, случайно и специально, члены банды с абсолютным равнодушием проходили мимо, не обращая внимания на каменный двухэтажный дом старого отшельника. Никогда прежде они не видели дом таким особенным, так сильно похожим на пиратский сундук с сокровищами.

Одному Леше Горину особняк внушал страшные опасения, чудился мордой какой—то твари, готовящейся не принять гостей, а наброситься на них, метнувшись через улицу хищной бестией. Располагавшиеся полукругом темные окна мансарды походили на черные глаза паука с белыми пятнышками отраженного света. Две колонны у лестницы казались Леше ниточками высыхающей слюны, а широкая двустворчатая дверь, отделанная рейками черного и серого цветов, представлялась мальчишке пастью с гнилыми зубами.

Он безоговорочно решил для себя, что внутрь дома не сунется ни при каких обстоятельствах. Да он что угодно готов был сделать, что угодно придумать, лишь бы не лезть в этот жуткий особняк. А ведь Глазастый это здание никогда раньше жутким не считал.

Бандиты приподняли пыльное подвальное оконце и бесшумно нырнули в полутьму, словно растворились там. Потаенные шепотки не удалились, но стали тише, смазались и немного погодя совсем пропали, проглоченные толстыми каменными стенами. Закрыв за Ланой окно, Глазастый выскочил из палисада и стремглав кинулся прочь.

Позже, когда придет в себя, он выдумает, как объясниться с остальными. Он покорно примет от Плиты хоть тысячу ударов, или пусть его избьет Моряк до потери сознания. Это лучше, чем лезть в дом художника. Почему, Глазастый не знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.